

Бенито ПЕРЕС ГАЛЬДОС

ДВОР КАРЛА IV

Бенито Гальдос
Двор Карла IV (сборник)

«ВЕЧЕ»

1893

Гальдос Б. П.

Двор Карла IV (сборник) / Б. П. Гальдос — «ВЕЧЕ», 1893

1807 год. Испания накануне грандиозного восстания. Улицы столицы бурлят и полнятся страшными слухами: принц Фердинанд задумал свергнуть с престола родного отца, Карл IV собирается казнить наследного принца, первый министр Годой ждёт случая, чтобы избавиться от всей королевской семьи разом... Имя Мануэля Годоя у всех на устах. Его называют выскочкой и князем мира. Одни его ненавидят, другие восхищаются им – гвардейцем, который в одночасье стал фаворитом королевы и правой рукой короля. Но пока при дворе плетут сети заговоров, к границам Испании уже подходят войска Наполеона... По иронии судьбы Испания звала Фердинанда VII «Желанным королём». Годы его правления сопровождала нескончаемая смута. Интриган в юности, в зрелости он умело стравливал своих врагов, манипулировал толпами, вёл двойную игру. «Когда Фердинанд VII улыбается либералам – дело плохо», – говорили при дворе... Классик испанской литературы Бенито Перес Гальдос с блестящим юмором рассказывает о брожении умов в 1821 году, когда улицы Мадрида становились полем боя с королевской гвардией, а в тавернах кипели словесные баталии молодых либералов.

© Гальдос Б. П., 1893

© ВЕЧЕ, 1893

Содержание

Об авторе	6
Избранная библиография Бенито Перес Гальдоса:	8
Двор Карла IV	9
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Бенито Перес Гальдос

Двор Карла IV

Б. Перес Гальдос. Двор Карла IV. – СПб, 1893.

Б. Перес Гальдос. Желанный король. – СПб, 1901.

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

* * *

Об авторе

Выдающийся испанский писатель Бенито Перес Гальдос родился 10 мая 1843 года в Лас-Пальмасе. С раннего детства мальчик привык зарисовывать свои впечатления от окружающего мира. Сначала это были карандашные рисунки, потом Бенито стал писать маслом. Его рисунки появлялись на провинциальных художественных выставках и вызывали неподдельный интерес посетителей. Альбом своих юношеских рисунков Бенито выпустил в начале 1860-х годов. Юноша также страстно любил музыку, в особенности – сочинения близкого ему по мятежному духу Людвигу Бетховена. В середине 60-х годов Перес Гальдос берется за перо. Возможно, молодого человека, идеологически примыкавшего к левым монархистам, подтолкнула к литературным занятиям предреволюционная обстановка. Начиная Бенито свой путь в литературе с ангажированной (как бы сейчас сказали) публицистики. Свой первый роман – «Золотой фонтан» (в рус. переводе – «Желанный король») – он пишет параллельно с активным участием в испанской революции 1868 года. Неслучайно его первые романы посвящены бурным событиям испанской истории начала XIX века: «Двор Карла IV» (1873), «Осада Сарагосы» (1874).

Успех первых романов убеждает Бенито в правильности выбранного пути. «Жить – значит писать романы», – так любил он повторять критикам и друзьям. Писатель задумывает грандиозную серию романов, отображающих испанскую историю XIX века от морской битвы при Трафальгаре (1805) до поражения революции 1868–1873 годов. Эта серия, «Национальные эпизоды», вырастет до 46 романов. Закончит ее Перес Гальдос только в 1912 году. Исповедуя в зрелые годы республиканские взгляды, писатель освещает историю страны с крайне антимонархических позиций. Да и то сказать: в Испании позапрошлого века не было ни одного достойного короля. Если в решении о создании столь грандиозной серии романов нетрудно разглядеть пример, данный «Национальными романами» французских авторов Эмиля Эркмана (1822–1899) и Александра Шатриана (1826–1890), то исполнение замысла – чисто испанское, связанное с национальной культурой и многовековыми традициями Испании. При этом надо отметить, что писатель не пошел по пути модных на рубеже веков языковых и психологических экспериментов. Он оставался стойким сторонником критического реализма. Между прочим, Перес Гальдос был большим поклонником Льва Толстого. Отличительными чертами стиля испанского классика критика называет динамизм сюжета, преобладание действия над описанием, публицистическую заостренность. Большинство романов «Национальных эпизодов» носит название важнейших моментов испанской истории XIX века, военной и политической: «Трафальгар», «Сарагоса» (в ранних переводах на русский язык – «Осада Сарагосы»), «Кадис», «Херона», «Байлен», «19 марта и 2 мая», «Наполеон в Чамартине», «1815 год (Записки придворного)» и т. п.

В конце XIX века Перес Гальдос начинает новый цикл прозаических произведений, озаглавленный им «Современные романы». Эта серия состоит из 25 названий. Всего из-под его пера вышло более 80 романов, 25 драматических произведений, а также большое число рассказов и статей. И вся эта огромная библиотека создана им при том, что Перес Гальдос очень любил путешествовать, причем не только по Европе. В 1885 году ему преподнесли мандат депутата кортесов (испанского парламента) от Пуэрто-Рико, так что до начала испано-американской войны он еще успел не раз побывать на Антильских островах. В 1889 году Бенито избрали в академики. В конце жизни Перес Гальдос увлекся социалистическими идеями (с обязательной для испанца примесью анархизма). Умер маститый писатель в Мадриде 4 января 1920 года.

Бенито Перес Гальдос был одним из часто переводившихся на русский язык новых испанских писателей. Первый перевод вышел в 1879 году («Волонтер»). Можно отметить

три «волны» выхода книг испанского классика в России (и СССР). Первая пришлась на конец XIX века, когда Испания оказалась в центре внимания общества в связи с испано-американской войной. Тогда выходили ранние романы писателя, а основным переводчиком была писательница Екатерина Иосифовна Уманец. Вторая волна пришла в конце 1930-х годов, когда в нашей стране поднялся необыкновенный интерес к Испании в связи с шедшей там гражданской войной. Тогда лучшими переводчиками считались Д. И. Выгодский, В. В. Рахманов, И. Гладкова, Ст. Вольский, С. С. Игнатов, М. Гельфанд. Наконец, третья волна (60-е – 70-е годы прошлого века) связана с развитием дружеских и культурных связей со странами Латинской Америки, и прежде всего с Кубой, где Перес Гальдос также принадлежит к числу популярных авторов. Кроме уже названных книг внимания читателя заслуживают (из переведенных на русский язык) такие романы, как «Донья Перфекта», «Очарованный кабальеро», «Хуан Мартин Эль Эмпесинадо», «Милый Мансо», четыре повести о ростовщике Торквемаде. Прошло почти сто лет со дня смерти классика новой испанской литературы, но романы Перес Гальдоса до сих пор принадлежат к числу самых читаемых книг в испаноязычных странах. Луис Бунюэль и другие мастера кинематографа не раз обращались к творчеству Бенито Перес Гальдоса.

Анатолий Москвин

Избранная библиография Бенито Перес Гальдоса:

- «Желанный король» (La Fontana de Oro, 1870)
- «Двор Карла IV» (La Corte de Carlos IV, 1873)
- «Трафальгар» (Trafalgar, 1873)
- «Торквемада на костре» (Torquemada en la hoguera, 1889)

Двор Карла IV

I

Круглый сирота и без гроша в кармане, я бродил по улицам Мадрида в самом мрачном расположении духа. Наконец, мне пришла в голову счастливая мысль сделать о себе публикацию в одной из газет, и через три дня я получил место у актрисы Королевского театра Пепиты Гонзалес. Это было в конце 1805 года, а то, о чем я хочу рассказать, произошло в 1807 году, когда мне было семнадцать лет.

Мои обязанности в доме Пепиты Гонзалес были настолько сложны и разнообразны, что я скоро узнал многие закулисные стороны жизни. Я должен был исполнять следующее.

Помогать известному придворному парикмахеру делать прическу моей госпоже.

Ходить на улицу Десенганьо за жемчужной пудрой, эликсиром, помадой султанши и за порошками Марешаль, которые делал неподражаемо один из преемников провизора самой Марии-Антуанетты.

Ходить на улицу де-ла-Рейна, № 12, в мастерскую одного художника, и раскрашивать костюмы, потому что в то время театральные костюмы еще разрисовывались красками согласно моде, что было и экономно, и красиво.

Носить по вечерам остатки обеда старому бедному драматургу, автору бездарных драм, комедий и водевилей.

Чистить порошком корону и скипетр, необходимые моей госпоже для ее главной роли в пьесе «Московский самозванец».

Помогать ей учить роли и отвечать репликами на ее монологи.

Нанимать карету, когда она ехала в театр.

В Театре де ла Крус освистать ту или иную пьесу, не нравившуюся моей госпоже.

Прогуливаться с рассеянным видом по площади Санта-Ана и в то же время слушать, что говорят посетители других театров об актерах Королевского.

Сопровождать ее в театр и держать в руках ее скипетр и корону.

Каждый день ходить к актеру Исидоро Маиквесу, чтобы спросить у него, какой костюм надеть для той или иной роли, а в сущности для того, чтобы пронюхать, кто у него бывает.

Играть роли пажа или слуги, подающего письмо или стакан воды.

Впрочем, если бы я стал перечислять все мои обязанности, то для этого потребовалось бы несколько страниц. Перейду лучше к описанию несравненной Пепиты Гонзалес.

Это была очень грациозная и изящная молодая девушка с необыкновенно выразительными черными глазами. Мне особенно запомнились эти ясные, красивые глаза и умение одеваться. Все сидело на этой грациозной фигуре как-то иначе, чем на других.

Публика была в восторге и от ее декламации, и от переливов голоса, и от манеры держать себя. Когда она гуляла по улице, ее поклонники восхищались ею. Когда она показывалась в окне кареты, все шептали единогласно: «Вот едет самая грациозная женщина Испании!» Эти уличные овации очень радовали ее, или лучше сказать нас, потому что слуги всегда разделяют успехи своих господ.

Мне казалось, что она обладает пылким и нежным темпераментом. Но она была настолько сдержанна, что многие считали ее холодной. Она была очень добра и по возможности старалась помогать нуждающимся. Каждую субботу к нам приходили бедные, и одной из моих обязанностей было наделять их мелкой монетой. Жила она со своей старой восьмидесятилетней бабушкой, донной Домингвитой, и кроме меня держала еще служанку.

Не знаю, как взглянул бы я на нее теперь, но тогда она казалась мне превосходной актрисой. В то время у нее не было соперниц, так как наши знаменитости сошли со сцены именно тогда, когда ее талант был в полном блеске. А из мужского персонала единственной звездой, также не имевшей соперников, был Исидоро Маиквес.

Не могу сказать, чтоб я был особенно высокого мнения относительно ее образования. Она мало интересовалась литературой и, по всей вероятности, не изучала знаменитых драматургов, хоть и преклонялась перед Кальдероном и Лопе де Вега.

Я должен прибавить, что в то время театры были вовсе не похожи на теперешние. В галерее и райке мужские места были отделены от женских перегородкой. Если теперь можно шепотом поделиться своими впечатлениями с соседом, то тогда, наоборот, мужчине надо было почти кричать, чтобы его услышала женщина. Поэтому в театре, во время представления даже, стоял такой шум и гам, что трудно было расслышать слова актеров.

Если глядеть на залу сверху, то она имела крайне жалкий вид. Керосиновые фонари едва мерцают, Аполлон, изображенный на потолке, с лирой в руках, кажется, вот-вот сейчас с горя разобьет ее. А когда зажигали большую люстру, висевшую посреди залы, то это событие в райке всегда встречалось шумными овациями и веселыми криками. Ложки были до такой степени малы, что в них помещалось с большим трудом определенное число лиц, а так как дамы вешали на балюстраду свои мантильи и шали, то ряды лож были похожи на прилавки магазинов маскарадного платья. В креслах мужчины сидели в шляпах, и долго этот обычай не мог искорениться, несмотря на то, что на дверях были надписи: «Посетители лож и партера, все без исключения, обязаны сидеть без шляп и фуражек, но по желанию могут оставлять при себе плащи».

II

Но прежде чем переходить к событиям осени 1807 года, оставившим в памяти мадридцев воспоминание о знаменитом заговоре в Эскуриале, я не могу не сказать несколько слов об одной девушке, овладевшей моим сердцем и имевшей большое влияние на всю мою жизнь.

Все театральные и домашние костюмы Пепиты Гонзалес заказывались на улице Каньисарес у одной всеми уважаемой, еще не старой портнихи. В лице доньи Хуаны (так звали эту симпатичную женщину) и в манере держать себя было много достоинства и даже благородства. У нее была дочь, Инезилья, усердно помогавшая матери в работе.

Кроме прелестного лица, Инезилья обладала и недюжинным умом. Она судила обо всем удивительно ясно и здраво. В жизни моей я не встречал девушки, равной ей по уму. Говорила она всегда спокойно, и я не мог не соглашаться с нею, хотя она нередко противоречила мне. Она всегда действовала успокоительно на мою пылкую натуру. Я вообще увлекался, метался из стороны в сторону, был рассеян, она же, наоборот, рассудительна и сдержанна.

Как только я узнал Инезилью, я полюбил ее, но как-то странно; меня неудержимо влекло к ней, но это влечение было идеальное, возвышенное, одно из тех, которые овладевают лучшей частью нашего существа. Я считал ее первой женщиной в мире, но в то же время находил возможным любить других. Я считал ее недоступной земным страстям, несмотря на то, что она была простая портниха.

Третьим членом этой семьи был патер Челестино Сантос дель Мальвар, брат покойного мужа доньи Хуаны и, следовательно, дядя Инезильи. Этот добродушный и доверчивый патер был самым несчастным человеком, так как не имел прихода. Он превосходно знал богослужение и латинский язык, но вечно сидел без места. Он писал воспоминания о министре двора Карла IV, князе Годое, с которым провел свое детство в одном городе.

Когда Годой вступил в управление министерством, он обещал ему приход, но с тех пор прошло уже четырнадцать лет, а Челестино дель Мальвар все ожидал исполнения обещания. Каждый раз, когда его спрашивали об этом, он отвечал:

– На будущей неделе я получу назначение, мне сказал это секретарь министерства.

Таким образом прошло четырнадцать лет, а будущая неделя все не наступала.

Каждый раз, как моя госпожа посылала меня сюда, я засиживался часами в этой милой семье. Донья Хуана с дочерью вечно сидели за шитьем, а патер Челестино играл на флейте, или писал латинские стихи, или составлял свои интереснейшие, по его мнению, воспоминания.

Наши разговоры всегда были оживленны. Я рассказывал им о моей жизни и о безумных проектах будущего. Мы искренне, но безобидно смеялись над доверчивостью патера Челестино, когда он с торжествующим видом входил в комнату и, положив шляпу на стул, говорил, усаживаясь подле нас:

– Ну, теперь уже решено: на будущей неделе я получаю место. Мне сказали, что были некоторые затруднения, но теперь они, слава Богу, устранены. На будущей неделе у меня будет приход.

Один раз я сказал ему:

– Мне кажется, дон Челестино, что вы не умеете подольститься...

– Что значит подольститься? – спросил он меня.

– Видите ли... Все говорят, что надо уметь вести дело, что надо заводить дружеские отношения с полезными людьми... Словом, делать то, что делали многие, для того чтобы достичь высоких степеней...

– Ах, Габриэль! – заметила донья Хуана. – Кто это вбил тебе в голову такое честолюбие! Ты, кажется, спишь и видишь себя при дворе, в блестящих эполетах и расшитом золотом мундире.

– Совершенно верно, дорогая сеньора, – сказал я, улыбаясь и взглянув на Инезилью, с которой мы не раз вели такие разговоры. – Так как у меня нет ни отца, ни матери, которые позаботились бы обо мне, то я должен сам подумать о моем будущем. Ведь есть же люди, которые личной энергией достигли очень многого!

– Ты далеко пойдешь, Габриэль, – серьезно произнес дон Челестино, – я не удивлюсь, если со временем из тебя выйдет гранд. Тогда ты уж не захочешь с нами и слова сказать и не придешь к нам. Но тебе необходимо изучить латинских классиков, без них трудно жить на свете; кроме того, я посоветовал бы тебе учиться играть на флейте; музыка облагораживает душу и смягчает нравы. Ты можешь взять в пример хоть меня. Если б я не знал латинского языка и не умел играть на флейте, то вряд ли я достиг бы чего-либо в жизни.

– Я буду иметь это в виду, – ответил я, – тем более что всем известно, каким способом добился своего высокого положения князь Годой, самый могущественный человек в Испании после короля.

– Это клевета! – воскликнул патер. – Мой земляк, друг и покровитель князь Годой обязан своим возвышением блестящему образованию и выдающимся способностям. Это только темный народ может говорить, что он выдвинулся благодаря своей искусной игре на гитаре.

– Как бы то ни было, – прибавил я, – но очевидно то, что он при своем невысоком происхождении достиг всего, чего только можно достичь...

– А ты, наверное, мечтаешь стать еще выше его? – засмеялась донья Хуана.

Когда мы остались вдвоем с Инезильей, я подвинулся к ней и сказал:

– Как все смеются над моими мечтами! Но ты понимаешь, что не могу же я всю жизнь служить актрисам. Скажи мне, кем бы тебе хотелось меня видеть? Выбирай: хочешь, я буду генералом, коронованным принцем с вассалами и собственным войском, первым мини-

стром, епископом?.. Нет, епископом – нет, потому что тогда я не мог бы жениться на тебе и возить тебя в золоченой карете!

Инезилия так искренне захохотала, как будто слушала интересную волшебную сказку.

– Смейся, сколько хочешь, но отвечай, кем ты желаешь меня видеть? – настаивал я.

– Я желала бы, – сказала она своим нежным голосом, откладывая в сторону работу, – чтобы ты был и генералом, и принцем, и первым министром, и императором, и архиепископом, но с условием, чтобы ты ежедневно, ложась спать, мог сказать себе: «Сегодня я никому не сделал зла и никого не присудил к смерти».

– Но, моя будущая королева, – ответил я, впадая в шуточный тон, – если сбудется все, что ты говоришь (а в этом нет ничего невозможного), то что за беда, если из-за меня или для блага государства умрут двое-трое подданных?

– Да, но пусть не ты будешь причиной их смерти, – сказала она. – Если ты высоко поднимаешься, то для того, чтобы удержаться на своем посту, ты должен быть снисходителен к низшим.

– Какая ты щепетильная, Инезилия, – сказал я. – Что значит быть снисходительным к низшим? Я буду исполнять мои обязанности, вот и все. И знаешь ли, Инезилия, я почти уверен, что со временем буду занимать высокое положение. Не знаю, кто поможет мне в этом, какая-нибудь могущественная сеньора сделает меня своим секретарем или сановник, не знаю, но только я чувствую, что это будет так. Ты не сердись на меня, но, право, я только об этом и думаю.

Инезилия вовсе не сердилась, а смеялась. Быстро работая своей иглой, она сказала мне:

– Видишь ли, если б ты родился принцем крови, то это было бы понятно, но так как ты сын какого-то бедного рыбака, плохо читаешь и еще хуже пишешь, то все эти мечты не имеют никакого основания. И потом, ты должен помнить, что если ты легко поднимаешься, то еще легче упадешь вниз, потому что на свете все происходит в известном порядке.

– Нет, не все, – возразил я, – мы с тобой должны были бы быть богаты, а мы бедны.

– Каждый так думает, и кто-нибудь должен же ошибаться. Я не знаю, понимаешь ли ты меня, но на свете все делается не случайно, а по предопределению. Птицы летают, рыбы плавают, камни лежат неподвижно, солнце светит, цветы пахнут, словом, все совершается в известном порядке, потому что на это есть свой закон. Понимаешь ли ты меня?

– Это всякий знает, – ответил я, желая унижить ученость Инезилии.

– Прекрасно, – продолжала она. – Как ты думаешь, простая курица может ли летать по поднебесью?

– Конечно, нет.

– Так видишь ли, когда ты, не будучи ни богат, ни благороден, ни учен, стремишься ко двору, то ты похож на курицу, желающую взлететь на вершину Гвадарамы.

– Ах, какая ты глупенькая! Понятно, что я ничего не могу сделать один, я буду искать руку, которая поможет мне подняться на высоту.

– Нет, это ты глупый! – ласково сказала Инезилия. – Ну, прекрасно; ты найдешь эту руку, и допустим, что она поможет тебе подняться, но раз ты очутишься на высоте, то твой благодетель скажет тебе: «Ну, тепер, голубчик, иди один!», и ты, конечно, упадешь.

– Но скажи мне, откуда ты знаешь все это? – с удивлением спросил я ее.

– Да разве это называется знать? – просто ответила она. – Это знаешь и ты, и все это знают. Я говорю тебе только то, что сейчас, во время разговора, пришло мне в голову.

– Неправда, ты, наверное, читаешь ученые книги и готовишься на доктора Саламанкского университета.

– Нет, мой милый, я не читаю иных книг, кроме «Дон Кихота Ламанчского». И знаешь, у тебя есть с ним что-то общее, только с той разницею, что у него были крылья, но ему не хватало воздуха для полета.

Она умолкла. Я долго сидел в задумчивости подле нее. Наконец, собираясь уходить, я сказал ей:

– Ну, до свидания! Я знаю только, что ты большая умница, что я люблю тебя и ничего не предприму, не посоветовавшись с тобою.

И я пошел домой. Когда я спускался с лестницы, до моего слуха долетело веселое пение Инезильи, сливавшееся со звуками флейты патера Челестино. Каждый раз, выходя из этой уютной квартиры, я чувствовал себя как-то удивительно спокойно и уравновешенно. Конечно, благодаря моим юным годам, это спокойствие длилось не долго, и я вновь начинал строить воздушные замки.

III

Королевский театр в то время был уже перестроен, и на сцене его подвизались драматические артисты и артистки, между которыми первое место занимали Исидоро Маиквес, сеньора Прадо и моя госпожа.

Не проходило ни одного вечера, чтобы я не был в театре, где, кроме актеров, мне приходилось сталкиваться и с другими личностями. Моя госпожа была в дружеских отношениях с двумя придворными сеньорами, игравшими впоследствии немаловажную роль в моей жизни. Одна из них была герцогиня, другая графиня, но так как фамилии обеих до сих пор фигурируют при испанском дворе, то я позволю себе называть их просто по именам.

Одну из них звали Долорес, другую Амаранта. Обе они были замечательные красавицы, особенно сеньора Амаранта. Обе очень интересовались искусством, покровительствовали художникам, артистам, всячески старались содействовать успеху первых представлений, участвовали в различных благотворительных мероприятиях. Ходили на их счет и кое-какие темные слухи, но где же вы найдете красивую женщину, о которой не злословят?

Раз вечером моя госпожа вышла из театра в самом дурном расположении духа. Дон Исидоро сделал ей за что-то выговор. Тут я должен упомянуть, что знаменитый актер относился к своим товарищам по сцене, как к школьникам и школьницам. Придя домой, донна Пепита сказала мне:

– Приготовь все к ужину, так как придут сеньоры Долорес и Амаранта.

Приготовить все означало стряхнуть пыль с мебели, чтобы она села на другое место, подлить керосину в лампы, купить струну для гитары, если ее недоставало, почистить канделябры, сбегать за помадой Марешаль и т. д. Что же касается ужина, то это было дело кухарки. Исполнив все, что было нужно, я обратился к донне Пепите за новыми приказаниями, но она все еще была не в духе и, как бы не придавая особого значения своим словам, спросила меня:

– Он не говорил тебе, что придет сегодня вечером?

– Кто?

– Дон Исидоро.

– Нет, сеньора, он мне ничего не говорил об этом.

– Так как он разговаривал с тобой после представления, то я думала...

– Он сказал мне только, что если я еще раз буду шляться за кулисами во время его игры, то он надерет мне уши...

– Что за человек! Я звала его сегодня к себе, и он мне даже и не ответил.

Она больше ничего не сказала и с расстроенным лицом ушла к себе в комнату, где горничная помогала ей одеваться. Я продолжал уборку. Через несколько минут донна Пепита снова вышла.

– Который час? – спросила она.

– На церкви Св. Троицы недавно пробило десять.

– Мне кажется, что я слышу шум у крыльца, – произнесла она с беспокойством.

– Сеньора ошибается.

– Так значит, он не говорил тебе, придет он или нет?

– Кто? Дон Исидоро? Нет, сеньора.

– Он был чем-то недоволен сегодня... Но мне кажется, что он придет. Хоть он и ничего не ответил мне на мое предложение... Но он всегда такой.

Говоря это, она, видимо, беспокоилась и волновалась. Не странно ли, что она так заинтересована приходом донна Исидоро, которого видит каждый день?

Окинув взглядом залу, чтобы убедиться, все ли в порядке, она села и стала ждать гостей. Наконец, внизу стукнула дверь и на лестнице раздались мужские шаги.

– Это он! – сказала моя госпожа и, вскочив с кресла, заходила по комнате.

Я побежал отпереть, и минуту спустя знаменитый актер входил в залу.

Дон Исидоро был человек лет тридцати восьми, высокий, хорошо сложенный, с несколько бледным, но настолько выразительным лицом, что, увидав его раз, нельзя было его забыть. На нем в этот вечер был изящный темно-зеленый сюртук и польские сапоги. Его обычная манера одеваться отличалась неподражаемой оригинальностью.

Войдя в комнату, он тотчас же опустился в кресло, поздоровавшись с моей госпожой только легким, почти незаметным кивком головы, как здороваются люди, которые ежедневно видятся. Довольно долго он сидел, не произнося ни слова и только напевая какую-то арию, поглядывал то в пол, то в потолок да постукивал тросточкой о сапоги.

Я вышел из залы, чтобы что-то принести, и, вернувшись, услышал голос донна Исидоро.

– Как ты дурно играла сегодня, Пепилья!

Я заметил, что моя госпожа сидела перед ним, как школьница перед строгим учителем, и лепетала в свое оправдание какие-то невнятные слова.

– Да, – продолжал дон Исидоро. – С некоторых пор ты стала неузнаваема. Сегодня все нашли тебя неловкой, холодной... Ты ошибалась на каждой фразе и была так рассеяна, что я вынужден был делать тебе знаки.

Действительно, стоя за кулисами, я заметил, что моя госпожа сбивалась в своей роли Бланки в пьесе «Гарчиа дель Кастаньяр». Многие из ее друзей были изумлены ее сегодняшней игрой, тем более что раньше она исполняла эту роль превосходно.

– Право, я не знаю, – сдержанно ответила донна Пепита. – Мне кажется, что я сегодня играла так же, как всегда.

– Некоторые сцены – да; но там, где тебе приходилось играть со мной, ты была ужасна. Ты как будто забыла твою роль или играла через силу. Когда ты мне подала руку, то она горела, как в огне. Ты ошибалась на каждом шагу и, по-видимому, совсем забывала, что ты играешь со мной.

– О нет!.. Но я объясню тебе. Это оттого, что я боялась плохо сыграть. Я боялась, что ты рассердишься, а так как ты так строг в твоих выговорах...

– Во всяком случае, ты должна исправиться, если хочешь служить в моей труппе. Ты нездорова?

– Нет.

– Влюблена?

– О, нет, нисколько! – с смущением ответила артистка.

– Так что же это с тобой делается? Я не говорю, есть места, где ты была неподражаема, но стоило мне выйти на сцену, как ты сбивалась с тона!

– Ведь я же сказала, что это оттого, что я боялась, что ты будешь недоволен мною...

– Да я и действительно был недоволен тобою. Когда ты, обращаясь ко мне, сказала: «Муж мой, Гарчиа», то ты произнесла это так отвратительно, что мне хотелось побить тебя при всей публике. Пойми, Бланка боится, что муж узнает о ее неверности. Эта фраза должна звучать боязливо, смущенно, а ты произносишь ее, как по уши влюбленная модистка. А потом, когда ты умоляешь меня, чтоб я тебя убил, ты делаешь это без малейшей тени трагизма! Со стороны кажется, как будто ты жаждешь умереть от моей руки. А когда я говорю тебе:

Дорогая моя супруга,
Как далеки мы друг от друга!

– ты бросаешься ко мне в объятия гораздо раньше, чем следует. Одним словом, ты провалила пьесу и лишила меня успеха.

– Никто не может лишить тебя успеха!

– Да, но ты заметила, что сегодня мне аплодировали гораздо меньше, чем прежде. Ты доведешь меня до того, что я принужден буду выключить тебя из моей труппы...

– Ах, Исидоро! – сказала моя госпожа. – Я всегда стараюсь играть как можно лучше, но, знаешь ли, скажу тебе откровенно, что когда я играю с тобой и мне очень аплодируют, то я всегда боюсь, что мне по ошибке приписывают успех, который, по справедливости, должен принадлежать тебе. А когда ты еще делаешь мне угрожающие жесты, то я совсем путаюсь. Но обещаю тебе, что я обращу на это внимание и постараюсь исправиться.

Я не расслышал, что ответил на это дон Исидоро, потому что в это время задымила лампа, и мне пришлось вынести ее из зала. Когда я вернулся, дон Исидоро сидел на том же месте со скучающим выражением лица.

– Что же не приходят твои гости? – спросил он.

– Еще рано, – ответила донна Пепита. – Вижу, что ты скучаешь в моем обществе.

– Нет, но, откровенно говоря, до сих пор я не нахожу в нем ничего интересного.

Он вынул сигару и закурил. Я должен заметить, что знаменитый актер курил, а не нюхал табак, как многие его современники: Талейран, Меттерних, Россини и даже сам Наполеон I. Не знаю, насколько это справедливо, но про Наполеона рассказывают, что он, при его нетерпеливом характере, желая избежать постоянного открывания табакерки, насыпал табак в свой жилетный карман. Во время распланировки войск при Йене и Тильзитского мира он беспрестанно запускал руку в карман и нюхал табак. По этому поводу ходил даже анекдот. Когда спрашивали, какой предмет в Европе самый грязный, на это отвечали: «Жилет Наполеона I».

IV

Когда пробило одиннадцать часов, в залу вошли донья Долорес и донья Амаранта. Они приехали в простой, а не придворной карете, чтоб избежать лишних толков.

В то время в придворных гостиных царили неизбежная скука и натянутость. Все чопорно сидели на своих местах и вели скучнейшие разговоры. Хорошо, если находился кто-нибудь, умевший играть на мандолине или гитаре. Тогда танцевали менуэт и несколько оживлялись, но в общем редко кто не старался подавить зевоту. Поэтому очень понятно, что многие сеньоры старались развлекаться в ином, более веселом кругу.

Обе молодые дамы, войдя в залу, внесли с собой целый поток веселья. Они приехали в сопровождении дяди сеньоры Амаранты, старого дипломата.

Герцогиня Долорес была обворожительная женщина, похожая на изящный нежный цветок, который готов поникнуть своей красивой головкой при малейшем дуновении ветерка или при слишком палящем солнце. Казалось, что ее невинный коралловый ротик может говорить только о монастырях и канониках, но это впечатление немедленно рассеивалось, как только она начинала свое веселое щебетание. Это была женщина среднего роста, белокурая и грациозная, как птичка. В ее присутствии никто не мог быть грустным, так как она сама была олицетворенное веселье.

Одним из несомненных достоинств доньи Долорес была способность к декламации. Все считали ее выдающейся актрисой, и, как я узнал впоследствии, она была ею не только на театральных подмостках, но и на жизненной сцене. Она участвовала во всех спектаклях, устраивавшихся в каком-либо аристократическом доме, и в данное время она разучивала с Исидоро Маиквесом роль Дездемоны в трагедии «Отелло», которая предполагалась к постановке у одной маркизы. Исидоро и моя госпожа также приглашены были участвовать в этом спектакле.

Донья Долорес была замужем. Три года тому назад, когда ей едва исполнилось девятнадцать лет, она вышла замуж за герцога, проводившего большую часть времени на охоте в своих обширных поместьях. Время от времени он приезжал в Мадрид, клялся своей жене, что больше не оставит ее, но затем снова исчезал на неопределенное время.

Донья Амаранта представляла собою совсем иной тип. Долорес пленяла, а Амаранта покоряла. При одном взгляде на первую вам становилось весело, а при взгляде на величественную красоту второй вас охватывала какая-то непонятная грусть. Ни одна из женщин, которых я видел в моей жизни, не производила на меня такого глубокого впечатления, как Амаранта, и ни одна из женщин не вытеснит ее из моей памяти. На вид ей было лет тридцать. Родом она была из дивной Андалузии, где красота природы не уступает красоте людей. При ее высоком росте, правильных чертах лица и вьющихся черных волосах, у нее были великолепные глаза, горевшие каким-то таинственным блеском.

Я не могу в точности припомнить ее обычного костюма, но в моей памяти сохранилось, что ее грациозная и вместе с тем классическая голова всегда была прикрыта изящной черной кружевной мантилей, из-под которой выглядывали золотые уголки головного гребня. Кроме того, я почти не помню ее без веера в руках.

Когда же я припоминаю Долорес, она всегда рисуется в моем воображении в белой кружевной мантилье, спускающейся на светло-голубое платье.

До этого вечера я видел этих двух сеньор раза три в доме моей госпожи. Я тотчас же понял, что они занимают хорошее положение при дворе. Но иногда они довольно горячо спорили между собою, и я заключил из этого, что между ними не существует полной гармонии. Иногда они говорили о политических делах и даже затрагивали некоторых лиц королевского дома; но в этих разговорах главную роль играл старый маркиз, дядя Амаранты. Он считал себя необыкновенно опытным дипломатом и не упускал случая напомнить всем об этом.

Я должен сказать, что этот знаменитейший дядюшка, как тень, следовал всюду за своей племянницей. Он был ее неизменным спутником и в церкви, и на прогулке, и на балу. Не помню, сказал ли я о том, что Амаранта была вдова.

Маркизу (фамилию его я не буду упоминать по той же причине, по которой не упоминаю фамилий обеих сеньор) было лет семьдесят, и он имел в свое время немало дипломатических назначений. Он сделался известным при министре Флоридабланке, служил затем при Аранде и был отставлен теперешним фаворитом, министром Годоем; поэтому он всячески старался унижить этого последнего. Маркиз был человек тщеславного характера и считал себя обойденным. Он очень любил ораторствовать, но при том говорил всегда загадками,

темно, многое недоговаривая. Он делал это для того, чтобы возбудить интерес слушателей и заставить их просить его быть откровеннее.

Он ненавидел якобинцев и, желая, чтобы его слова не шли вразрез с поступками, с презрением смотрел на нововведения в модах. Как в 1798 году он носил фижмы и напудренный парик, так носил их и в 1807, не решаясь показаться в обществе во фраке.

В молодости маркиз был, однако, большим ловеласом. С годами, конечно, он успокоился и был вполне доволен, что племянница позволяет ему исполнять при себе роль пажа. Дом Пепиты Гонзалес он посещал чаще других, потому что тут его слушали и он мог держать себя свободнее, чем в гостиной какой-нибудь грандессы.

V

Донья Долорес, ударяя дон Исидоро по плечу своим веером, сказала ему:

– Я очень сердита на вас, сеньор Маиквес! Да, очень сердита!

– За то, что я дурно играл сегодня? – спросил артист. – В этом виновата Пепилья.

– Нет, не за то, – ответила она, – и вы оба мне поплатитесь за это.

Услышав эти слова, Исидоро наклонил голову. Долорес нагнулась к нему и начала говорить что-то так тихо, что никто ничего не мог расслышать, но по улыбке, озарившей лицо Исидоро, видно было, что она говорила что-то приятное. Затем они продолжали разговор вполголоса, выслушивали друг друга с таким интересом, обменивались такими выразительными взглядами, что даже и ненаблюдательный человек мог бы заключить, что между ними существуют какие-то интимные дела.

Старый дипломат ухаживал за моей госпожой, но она в этот день была рассеянна, так как старалась прислушаться к разговору Долорес с Исидоро. Она поминутно менялась в лице, то краснела, то бледнела. Она старалась привлечь их внимание какой-нибудь громкой фразой, наконец, не выдержала и, обращаясь к ним, произнесла не совсем любезным тоном:

– Кончится ли когда-нибудь эта долгая исповедь? Если так будет продолжаться, то мы скоро все начнем перешептываться и поверять друг другу свои тайны.

– А тебе какое дело? – сказал Маиквес тем деспотическим тоном, которым он говорил обыкновенно с членами своей труппы.

Донна Пепита обиделась и долго сидела молча.

– Им так о многом надо переговорить, – едко произнесла Амаранта. – Третьего дня они держали себя точно так же. Да, сеньор Маиквес, надо пользоваться жизнью и ковать железо, пока горячо.

Долорес взглянула на свою подругу, или, вернее сказать, они обменялись многозначительными взглядами, по которым можно было заключить, что они не особенно ладят друг с другом и подпускают обоюдные шпильки.

А разговор между Долорес и артистом становился все оживленнее и оживленнее. Они как будто наперерыв торопились высказаться и оправдаться. Амаранта скучала, маркиз метал пылкие взгляды на мою госпожу и напрасно тратил перлы красноречия: она видимо волновалась, мучилась ревностью и забывала свою роль хозяйки дома. Тогда старый дипломат решил заговорить о своей излюбленной теме, хотя бы и в присутствии женщин.

– Да, вот мы сидим здесь спокойно, – начал он, – а в этот самый час готовится нечто такое, что, быть может, завтра же заставит всех нас встрепетаться...

Моя госпожа, очевидно, приняв решение не обращать внимания на сидевшую в стороне парочку, с живостью спросила:

– А что такое?

– Так, ничего... Но мне кажется, что вряд ли в такое время можно быть спокойным, – ответил маркиз, впадая в свой обычный таинственный тон.

– Мне кажется, эти разговоры здесь неуместны, – строго заметила Амаранта.

– Почему же? – воскликнул дипломат. – Я знаю, что сеньора Пепа очень интересуется политикой и желала бы услышать от меня кое-что новенькое. Не правда ли?

– Еще бы! Я страшно интересуюсь всем этим, – сказала моя госпожа. – Политика – это моя сфера. Говорите, говорите, сеньор маркиз!

– Ах, донна Пепа, вы так меня вдохновляете, что я, пожалуй, изменю себе. Во время моей долголетней политической карьеры я пользовался репутацией самого сдержанного человека, но с вами я не могу не быть откровенным и боюсь, что открою вам государственные тайны.

– О, эти дипломаты способны меня с ума свести! – воскликнула моя госпожа с лихорадочным возбуждением. – Расскажите мне все, что вы знаете. Я готова слушать вас целый вечер! Вы, маркиз, один из самых интереснейших людей, которых я видела в моей жизни.

– Он скажет тебе, Пепа, то, что знает весь свет, – заметила Амаранта. – Он скажет тебе, что сегодня вечером войска Наполеона должны пересечь границу Испании.

– О, как это интересно! – воскликнула моя госпожа. – Говорите, маркиз, говорите!

– Племянница, ты перестанешь выводить меня из терпения? – произнес маркиз. – Дело вовсе не в том, пересекают или не пересекают французские войска наши границы, а в том, что они идут в Португалию, чтобы завладеть этим королевством и разделить его...

– Разделить? – весело переспросила донья Пепа. – Прекрасно, я очень рада!.. Пусть себе делят.

– Восхитительная Пепа, о подобных вещах нельзя судить так легко, – с важностью сказал маркиз. – О, со мной вы научитесь терпению и рассудительности!

– Это верно, – произнесла Амаранта в ответ на слова моей госпожи. – Португалию хотят разделить на три части: северную часть отдадут королеве Этрурии, середина останется для Франции, а из южных провинций Альгарбы и Алентохо сделают маленькое королевство, на престол которого сядет наш министр Годой.

– Ложные слухи, племянница, ложные слухи! – возразил маркиз. – Об этом много говорили в прошлом году, но теперь об этом нет и речи. Ты плохо следишь за ходом дел... Но я должен предупредить, что все, что я скажу, должно остаться между нами.

– Вы можете быть вполне уверены в моей скромности, – проговорила моя госпожа.

– В прошлом году министр Годой вел об этом серьезные переговоры с Наполеоном. По-видимому, дело было улажено. Но вдруг император раздумал, и тогда Годой, самолюбие которого было оскорблено и честолюбивые надежды разбиты, рассердился на Наполеона, опубликовал знаменитую прокламацию в прошлом октябре и послал в Англию тайного агента для того, чтобы заручиться покровительством этой страны против Франции. Все это я прекрасно знаю, потому что государственные тайны никогда не могут быть укрыты от моей проницательности. Прекрасно; в таком положении были дела, когда Наполеон разбил пруссаков под Йеной. Тогда Годой видит, что дело плохо, потому что император недоволен им за прокламацию, на которую у нас и во Франции смотрели чуть ли не как на объявление войны. Он посылает в Германию посланника с извинением к Наполеону и получает его, но уже не заводит и речи о разделе Португалии. Все это я знаю из самых верных источников. Как видишь, племянница, никто теперь и не говорит о разделе Португалии. То, что происходит теперь, гораздо серьезнее, но я не имею права разглашать это... Вы одобряете мою скромность, сеньора Пена? Вы согласны со мной, что осторожность родная сестра дипломатии?

– О, дипломатия! – аффектированно воскликнула моя госпожа. – Бонапарт, объявление войны, прокламации! Как все это интересно! Я ужасно люблю политику. Сегодня я положительно в восторге от разговора с вами, маркиз!

– Вы совершенно правы, – с удовольствием заметил дипломат. – Когда я был посланником в Вене в 84-м году, то все придворные дамы не могли наслушаться моих рассказов; они так и ходили за мной толпою.

– Это очень понятно, – ответила сеньора Пепа, – и я прошу вас, маркиз, расскажите мне что-нибудь об Австрии, о Турции, о Китае, о проектах войны, особенно о войне.

– Оставим на сегодняшний вечер этот скучный разговор, – сказала Амаранта. – Надеюсь, дорогой дядюшка, что вы не принадлежите к числу лиц, поддерживающих нелепое мнение о том, что будто бы Годой вместе с Бонапартом намерен отправить королевскую семью в Америку и сам сесть на испанский престол?

– Племянница, ради всего святого, не заставляй меня высказываться; не заставляй меня забывать великую истину, что осторожность есть родная сестра дипломатии!

– Не менее нелепо думать, – продолжала коварно племянница, – что Наполеон посылает свои войска в Испанию для того, чтобы передать испанскую корону Фердинанду. Наследник престола не может нуждаться в помощи какого-то иностранного выходца для того, чтобы сместить своего отца.

– Полноте, полноте, сеньоры, о таких важных делах нельзя так легко судить. Если бы я решился высказаться, то вы так испугались бы, что не в состоянии были бы ужинать!..

Как раз в это время ужин был готов, и я начал накрывать на стол. Исидоро и Долорес, перейдя к столу, по приглашению моей госпожи, приняли участие в общем разговоре.

– О чем это вы толкуете? – сказала Долорес. – Разве мы собрались сюда для того, чтобы рассуждать о том, что нас вовсе не касается?

– Так о чем же нам говорить?

– О чем-нибудь другом, ну, хоть о балах, о бое быков, о представлениях, о стихах, о костюмах...

– Вот еще! – с презрительной усмешкой произнесла моя госпожа. – Если вы можете говорить о том, что вас интересует, то почему же и нам не делать того же самого?

– Теперь я понимаю, почему Пепа так рассеянна, – насмешливо сказал Маиквес. – Она всецело отдалась изучению политики и дипломатии, гораздо более понятных ей, чем сценическое искусство.

Моя госпожа хотела возразить что-то на эти слова, но только вся вспыхнула.

– Мы собрались сюда, чтоб повеселиться, – прибавила Долорес.

– О, неопытная молодость! – с пафосом воскликнул маркиз. – Она думает только о веселье, когда целая Европа...

– Полноте вам с вашей целой Европой!

– Только одна сеньора Пепа понимает серьезное положение дел, – продолжал старый дипломат. – Вы, обворожительная артистка, одна из тех немногих, которые, как я, не удивятся наступающей катастрофе...

– Да скажете ли вы нам, наконец, в чем дело?

– Ради Господа и всех святых Его, не заставляйте меня высказываться! Я вполне уверен в моей стойкости и осторожности, но очень боюсь, что выдам себя какой-нибудь фразой, каким-нибудь словом... Не спрашивайте меня ни о чем, ради Бога; будьте уверены, что дружба не заставит меня проговориться.

– В таком случае мы умолкаем; мы ничего не хотим знать, сеньор маркиз, – сказал Маиквес, зная, что ничто не может так уколоть этого дипломата, как холодное отношение к скрываемым им тайнам.

На минуту все умолкли. Маркиз был, очевидно, смущен словами Маиквеса и взял себе двойную порцию салата. Донна Пепа тоже молчала и хоть и не глядела на влюбленную парочку, но зорко следила за нею. Амаранта не смотрела ни на Исидоро, ни на Долорес, ни

на мою госпожу, ни на своего дядюшку, – она глядела только... на кого бы вы думали? На меня...

VI

Да-с, она глядела на меня! Я не мог объяснить себе, почему это я так заинтересовал ее. Я прислуживал за столом, и трудно себе представить волнение, овладевшее мною, когда я заметил, что чудные, загадочные глаза этой сеньоры обращены на меня. Я поминутно то краснел, то бледнел. Кровь то быстро бросалась мне в голову и стучала в виски, то отливала к сердцу, и я бледнел, как мертвец. Не могу даже припомнить количества стаканов и рюмок, побитых мною в этот вечер. Служил я так рассеянно, что подавал сахар, когда у меня просили соль.

Я спрашивал себя: «Что такого в моем лице, что эта сеньора так упорно смотрит на меня? Чем я заинтересовал ее?» Входя в кухню, я тотчас же смотрелся в маленькое зеркальце, не находил в моем лице ничего необыкновенного и бежал в залу; там сеньора Амаранта вновь устремляла на меня свой таинственный взор... Одну минуту я думал... Но нет, может ли такая высокопоставленная женщина обратить внимание на слугу! И я стал думать, что она просто сравнивает мою скромную наружность со своей блестящей красотой.

Когда моя госпожа сделала мне выговор за то, что я так неловко служу у стола, Амаранта взглянула на меня с такой снисходительной улыбкой, как будто вымаливала извинение за мою неловкость. От этой улыбки мое смущение перешло всякие границы.

После непродолжительного молчания разговор снова сделался общим. Маркиз, видя, что никто ничего не спрашивает у него, кидал испытующие взгляды на присутствующих, отыскивая жертву для беседы. Но, по-видимому, никто не был расположен его слушать. Тогда он рассердился и сказал, что если все будут заставлять его высказывать дипломатические тайны, то ему придется уйти из этого дома.

– Но ведь мы ни слова не говорим о них с вами! – засмеялась Долорес.

Исидоро, зная, что маркиз враг Годоя, сказал невозмутимым тоном:

– Нельзя сомневаться, что князь де ла Паз¹, как человек высокого ума, уничтожит интриги врагов. Наполеон покровительствует ему и если не сделает его королем двух португальских провинций, то даст ему корону целой Португалии. Я знаю Наполеона; я не раз видал его в мою бытность в Париже. Он любит таких талантливых людей, как Годой. Вот увидите, сеньор маркиз, и мы все увидим, что новый король сделает вас своим представителем в одной из важнейших столиц в Европе.

Маркиз вытер себе рот салфеткой, откинулся на спинку стула, откашлялся и, устремив свои выцветшие глаза на графин с вином, как бы ища в нем поддержки, сказал после некоторого молчания:

– Мои многочисленные враги распустили слух по всей Европе, будто я совместно с Годоем вступил в тайную переписку с Талейраном, принцем Боргезе, принцем Томбино, с великим герцогом Аренбергским и с Лучиано Бонапартом, чтобы установить договор, в силу которого Испания уступит каталонские провинции Франции взамен Португалии и Неаполитанского королевства; отдаст Милан королеве Этрурии и Вестфалию инфанту испанскому. Я знаю, что об этом говорили, я слышал это моими собственными ушами! – воскликнул громко маркиз, стукнув кулаком по столу. – Клеветники оповестили об этом Австрию и Пруссию, за ними стала повторять то же самое и Россия. Мне понадобилось немало труда и такта, чтобы рассеять эти тучи, нависшие над моей головою.

¹ Князь мира, титул первого министра Мануэля Годоя.

Маркиз говорил это, как перед целым конгрессом дипломатов Европы, и продолжал, все возвышая голос:

– К счастью, я слишком хорошо известен в высших сферах, и мне слишком доверяют упомянутые государства. Но я знаю, кто придумал эту клевету! Сеньор Годой распустил эти слухи из своих личных выгод в надежде, что популярность моего имени заставит всех относиться к ним серьезно!

– Так что, это неправда, что говорят, будто вы тайный друг министра Годоя? – спросил Исидоро.

Дипломат сдвинул брови, презрительно улыбнулся, поднес к носу понюшку табаку и сказал:

– Чего не придумает клевета! Чего только глупые люди не скажут, чтобы унижить рассудительность и ум! Тысячу раз мне наносили подобные удары, и я всегда блистательно их парировал! В данном случае я должен повторить то, что говорил раньше. Я дал себе клятву не интересоваться больше этими сплетнями, но недоверие ко мне моих друзей принуждает меня нарушить мое слово. Я буду говорить откровенно, и если скажу что-нибудь лишнее, то в этом виноват буду не я, а те, которые не доверяют моей незапятнанной репутации.

Долорес, Исидоро и моя госпожа делали над собой усилие, чтоб не рассмеяться над этим человеком, так ревниво защищающим свою репутацию от воображаемых нападков.

– В 1792 году, – начал дипломат, – пало министерство графа Флоридабланки, который был замешан во французской революции. Ах, эта темная толпа не понимала, что она теряет с этим человеком, состарившимся на службе своему королю. Годой был тогда двадцатипятилетним молодым гвардейцем, пользовавшимся особенной любовью при дворе. Он повлиял на падение министерства Флоридабланки на возвышение графа Аранды. Я лично тут был ни при чем. Я был членом посольства при короле Леопольде и никаким образом не мог влиять на избрание министром моего друга графа Аранды. Но увы, он недолго управлял министерством. В ноябре того же года Испания и все державы были удивлены тем, что этот самый двадцатипятилетний молодой человек получил министерский портфель. Перед этим он был осыпан незаслуженными милостями. Он был сделан испанским грандом первого класса, кавалером ордена Карла III и креста Сантьяго, гвардейским генералом, камергером его величества и проч., и проч. Правда, что Годой принял министерство в критическое время. Он объявил войну Франции против воли Аранды и всех нас, здравомыслящих людей. Посоветовался ли он с нами? Нет. И что же, как мы видим, из этого ничего хорошего не вышло!

Король все продолжал осыпать милостями своего фаворита и даже женил его на принцессе королевской крови. Все эти милости к подобному выскочке возбудили недовольство приближенных. Всем известно, что он интриган и продает должности. Здесь я должен признаться, что я вовсе не влиял на возвышение министров торговли – Грача и юстиции – Сааведры и Уовельяноса. Умоляю вас, чтоб эта тайна, в первый раз сорвавшаяся с моих губ, осталась между нами!

– Уверяю вас, что мы будем немые, как рыбы, – сказал Исидоро.

– Но обстоятельства были непоправимы, – продолжал старый дипломат, обводя глазами всю залу, как бы видя перед собой огромную аудиторию. – Уовельянос и Сааведра ничего не могли поделать с этим высокомерным человеком. Французская республика была против него. Конечно, Уовельянос и Сааведра старались избавиться от такого опасного товарища, и наконец король внял гласу народа и в марте 1798 года дал Годую отставку. Объявляю раз и навсегда, что я не принимал участия в свержении Годоя, как это многие мне приписывали. Здесь я мог бы сказать одну тайну, о которой молчал до сих пор... но я недостаточно доверяю скромности моих слушателей и считаю более благоразумным умолчать о ней... Повторю только, что я не принимал участия в свержении Годоя.

– Но дон Мануэль Годой был недолго в опале, – заметил Исидоро, – так как министерство Уовельяноса – Сааведры недолго просуществовало, равно как и их преемников Кабальеро и Урквихо.

– Я именно к этому и вел, – продолжал маркиз. – Королевская семья не могла обойтись без своего друга. Он снова сделался королевским канцлером и, желая приобрести военные заслуги, затеял знаменитый поход на Португалию, чтобы порвать ее сношения с Англией. С этих пор наш министр только и думал о том, как бы угодить Бонапарту в ущерб испанским интересам. Он сам созвал это войско, стоившее немало денег. Когда бедные португальцы без сражения покинули Оливенцу, фаворит отпраздновал свою воображаемую победу театральным празднеством, в честь которого этот поход был прозван Апельсиновой войной. Вам известно, что король и королева выехали на границу. Годой велел сделать легкие носилки, украшенные цветами и листьями, и на этих носилках пронесли королеву перед войсками, где генералиссимус Годой и вручил ей венок из апельсиновых веток, сорванных нашими солдатами в Эльвасе. Больше я не прибавлю ни слова о различных слухах, ходивших на его счет. Я буду скромнен в этом отношении и перейду к другому.

– Даже если бы мне пришлось повторять это тысячу раз, я скажу, что не играл никакой роли в торговом договоре Сан-Ильдефонсо и в союзе нашего флота с французским, что и послужило столкновением при Трафальгаре. По этому поводу я знаю много интереснейших подробностей, которые я слышал от генерала Дюрока, но я не могу открыть их вам, как бы вы меня ни просили об этом. Нет!.. Лучше и не просите, не искушайте моей рассудительности: есть тайны, которых нельзя доверить самому близкому другу! Я должен молчать и молчу. Если бы я решился высказаться, то вы увидели бы в слишком непривлекательном свете князя де ла Паз во время его переговоров с Бонапартом. Если бы я только захотел, я мог бы одним словом свергнуть этого интригана, возвысившегося из ничтожества и держащего в своих неумелых руках бразды правления целого королевства!

Сказав это, он поднял голову, многозначительно поднес к носу щепоть табаку и затем громко высморкался.

– Мы вполне согласны с вами, сеньор маркиз, – сказала Долорес, – что вы не принимали ровно никакого участия в свержении министра Годоя, но вы не сказали нам, какие несчастья грозят стране.

– Я больше не скажу ни слова, ни одного слова! – ответил маркиз, возвышая голос. – Напрасны будут все вопросы, сеньоры. Я неумолим; ничто не может поколебать моего решения. Я прошу вас не расспрашивать меня более, не заставлять меня изменить моему честному слову ради дружбы!

Слушая маркиза, я припомнил одного моего знакомого в Кадиксе. Оба они отличались необыкновенным тщеславием, с той только разницей, что мой кадикский знакомый сочинял совсем безобидные вещи, между тем как маркиз, не искажая фактов, изображал себя всемогущим и всезнающим дипломатом, охраняющим какие-то воображаемые тайны. Это было у него в некотором роде пунктом помешательства.

Исидоро и донья Долорес, встав из-за стола, уединились в уголок и вновь начали шептаться. Моя госпожа уже без прежнего восторга относилась к дипломатической откровенности маркиза, хотя он и обещал открыть ей, ей одной, какую-то необыкновенную тайну.

Донья Амаранта между тем устремила на меня свои дивные глаза с таким выражением, как будто она вот-вот заговорит со мною. И действительно, против всех светских приличий, когда я снимал со стола пустое блюдо, она улыбнулась ангельской улыбкой и пронзила мне сердце вопросом:

– Ты доволен твоей госпожой?

Я не вполне уверен, но мне кажется, что я ответил, не глядя на нее:

– Да, сеньора.

– И ты бы не желал иметь другую госпожу? Ты бы не желал переменить место?

Опять-таки я не уверен, но мне кажется, что я ответил:

– Смотря – на какое...

– Ты имеешь вид неглупого мальчика, – прибавила она с новой ангельской улыбкой.

На это, я уверен, я не ответил ни слова. После непродолжительного молчания, во время которого мое сердце так сильно билось, что, казалось, оно готово было выскочить из груди, я набрался смелости, до сих пор не могу понять – каким образом, и сказал:

– А разве вы хотели бы взять меня к себе в услужение?

В ответ на эти слова Амаранта разразилась веселым смехом, услышав который я подумал, что сказал что-то неприличное. Я сию же минуту вышел из залы, нагруженный тарелками. В кухне я всеми силами постарался успокоиться и тут же сказал себе:

– Завтра же я расскажу обо всем Инезилье; посмотрим, что она думает об этом.

VII

Когда я вернулся в залу, все сидели в прежнем порядке, но скоро приход новой личности вполне изменил его. На улице слышались веселые голоса, звук гитар, и затем вошел молодой человек, которого я не раз видал в театре. Его провожали товарищи, но они простились с ним у крыльца. Он так шумно подымался по лестнице, что казалось, будто целое войско ворвалось к нам в дом. На нем был народный марсельский плащ, а на голове маленькая треугольная шляпа. В этом свободном костюме он вовсе не походил на аристократа, каким был на самом деле. Он всегда одевался так во время своих вечерних веселых походов, и нужно отдать ему справедливость – этот залихватский вид необыкновенно шел ему.

Он был хорошо принят при дворе и служил в гвардии. Его умственное развитие не отличалось особенной глубиной, и большая часть его времени уходила на ухаживанья за женщинами.

– А, дон Хуан! – воскликнула Амаранта, увидев его.

– Милости просим, сеньор де Маньяра!

С приходом этого веселого, беззаботного молодого человека общество оживилось, как по мановению волшебной палочки. Я заметил, что в лице Амаранты появилось выражение какой-то презрительной дерзости.

– Сеньор де Маньяра, – решительно обратилась она к нему, – вы пришли как раз вовремя. Долорес недоставало вас.

Долорес взглянула на свою подругу уничтожающим взглядом, между тем как Исидоро весь побагровел от гнева.

– Дон Хуан, сядьте здесь около меня, – весело произнесла моя госпожа, указывая ему на кресло.

– Я не рассчитывал встретить вас здесь, сеньора герцогиня, – сказал вновь прибывший, обращаясь к донье Долорес. – Но меня что-то влекло сюда. Очевидно, сердце сердцу весть подает!

Долорес смутилась, но не в ее характере было высказывать это. Она засмеялась и начала перекидываться с Маньярой веселыми шутками. Майквес с каждой минутой волновался все больше и больше.

– Сегодня счастливый вечер для меня, – сказал дон Хуан, вынимая из кармана шелковый кошелек. – Я был в одном знакомом доме и выиграл там около двух тысяч реалов.

Говоря это, он высыпал золото на стол.

– И что же, много было гостей? – спросила Амаранта.

– О, да! Мы очень приятно провели время.

– Для вас, – произнесла Амаранта почти дерзко, – может быть приятно только там, где вы встречаете Долорес.

Герцогиня снова выразительно взглянула на свою подругу.

– Я для этого и пришел сюда!

– Хотите попытать счастья? – спросила моя госпожа. – Карточный стол, Габриэль, принеси скорее карточный стол.

Я исполнил приказание, и молодой человек опытной рукою стал метать карты.

– Вы будете банкометом, – сказала ему донна Пепа.

– Прекрасно, идет!

Все стали выкладывать на стол золотые монеты и следить глазами за картами. В первые минуты слышались только восклицания: «Выиграл!» – «Проиграл!» – «Мне десять реалов!» – «Проклятая ставка!»

– Вам не везет сегодня вечером, Маиквес, – сказал Маньяра, загребая деньги артиста, который проигрывал каждую ставку.

– А мне, наоборот, страшно везет! – сказала моя госпожа, собрав в кучку свои выигранные монеты.

– О, сеньора Пепа, вы выиграли целое состояние! – воскликнул банкомет. – Но есть поговорка: «Кто счастлив в игре, тот несчастлив в любви».

– Вы представляете исключение из общего правила, – сказала Амаранта, – потому что вы счастливы и в том и в другом. Не правда ли, Долорес?

И, обратившись к проигравшемуся Исидоро, она прибавила:

– Эта поговорка также и не для вас, бедный Маиквес, потому что вы несчастливы и в любви, и в картах. Не правда ли, Долорес?

Герцогиня изменилась в лице. Мне показалось, что она хочет резко ответить своей подруге, но, сделав над собой усилие, она сдержалась. Маркиз все проигрывал, но не бросал игры, пока у него в кошельке не осталась последняя песета. Игра тянулась до часу ночи. Наконец, гости собрались расходиться.

– Я вам должен тридцать шесть дурро, – сказал Маиквес молодому человеку.

– Скажите, какую же пьесу вы предполагаете поставить в доме маркизы? – спросил его Маньяра.

– Мы остановились на «Отелло».

– Ах, это превосходный выбор! Я заранее восхищаюсь вами в роли ревнивого мужа.

– Быть может, вы хотите играть роль Яго?

– Нет, эта роль не по мне. К тому же у меня вовсе нет сценического таланта.

– Я помогу вам.

– Благодарю вас. А вы помогли донье Долорес выучить ее роль?

– Она знает ее превосходно.

– С каким удовольствием жду я этого вечера, – произнесла Амаранта. – А скажите, дон Исидоро, если бы все это случилось с вами лично, если бы любимая вами женщина обманула вас, то способны ли вы были бы на такую безумную ревность? Способны ли вы были бы убить вашу Дездемону?

Эта стрела была пущена в Долорес.

– Такие вещи делаются только на сцене! – воскликнул Маньяра.

– Я убил бы не Дездемону, а Родриго, – громко ответил Маиквес и пристально взглянул на молодого человека.

На минуту все примолкли. Изменившееся лицо Долорес выдавало ее внутреннее волнение.

– Сеньора Пепа, вы меня ничем не угостили сегодня, – сказал Маньяра. – Правда, что я ужинал, но теперь уже два часа ночи, и я охотно выпил бы что-нибудь.

Я подал вина и вышел из залы, но из-за дверей до меня долетал голос Маньяры:

– Сеньоры, пью за здоровье нашего дорогого принца Астурийского², пью за переворот, ожидаемый нами на этих днях, пью за свержение фаворита и старого короля с королевой!

– Прекрасно! – воскликнула Долорес и зааплодировала.

– Надеюсь, что я нахожусь среди друзей, – продолжал молодой человек. – Надеюсь, что верный слуга нового короля может спокойно высказывать свою радость по поводу его ожидаемого восшествия на престол.

– Это ужасно! Вы совсем с ума сошли! Будьте благоразумны, молодой человек! Как можно преждевременно открывать эту тайну! – возмутился старый дипломат.

– Будьте осторожны, сеньор Маньяра, будьте осторожны... – подойдя к нему, сказала Долорес. – Здесь есть поверенная ее величества королевы.

– Кто это?

– Амаранта.

– Ты такая же поверенная королевы, как и я, и говорят даже, что тебе известны большие тайны.

– Не такая, как ты, – сказала Долорес, набравшись смелости, – все уверяют, что ты пользуешься полным доверием ее величества. Это большая честь для тебя, разумеется!..

– Конечно, – ответила Амаранта. – Я всегда рада быть полезной королеве. Неблагодарность очень дурной порок, и я не хочу походить на тех придворных, которые бранят за глаза свою благодетельницу. Ах, всегда очень удобно говорить о чужих ошибках, чтоб отвлечь внимание от своих собственных!

Долорес хотела что-то ответить, и, по всей вероятности, разговор принял бы острый характер, если бы старый дипломат не сказал со своим обычным тактом:

– Сеньоры, ради Бога! Что это такое? Ведь вы же близкие друзья! Неужели различный образ мыслей может вас поссорить? Дайте друг другу руки, и мы выпьем за ваше здоровье.

– Я согласна; вот моя рука, – сказала Амаранта.

– Мы еще поговорим об этом, – прибавила Долорес, подавая свою руку. – А теперь будем друзьями.

– Хорошо; мы еще поговорим об этом.

В эту минуту я вошел в комнату, и, как мне показалось, лица обеих сеньор не выражали особенного дружелюбия. После этого неприятного инцидента все стали расходиться. Когда маркиз и Маньяра прощались с моей госпожой, сеньора Амаранта подошла ко мне и незаметно шепнула:

– Мне надо поговорить с тобою...

Я не помнил себя от удивления, но мне некогда было раздумывать, так как пришлось провожать гостей с фонарем в руках. В то время улицы Мадрида имели еще самое слабое понятие об освещении. Мы пришли на улицу Канвисарес и остановились около того самого дома, где жила Инезилья, только у другого подъезда. Этот дом принадлежал старому маркизу, или, вернее, его сестре; тут ожидали две придворные кареты. Прежде чем садиться в свою, сеньора Амаранта отозвала меня в сторону и сказала, чтобы я завтра же ждал ее в этом доме, что мне отворит дверь ее доверенная горничная и что дело идет о моем счастье.

Вернувшись домой, я нашел мою госпожу очень взволнованной. Она ходила взад и вперед по зале и разговаривала сама с собой. В первую минуту мне показалось, что она не в своем уме.

– Ты не заметил, – спросила она меня, – не ссорились ли между собой дорогой Исидоро и Маньяра?

– Нет, не заметил, сеньора, – отвечал я. – Но по какой же причине им ссориться?

² Старшего сына короля Карла IV – Фердинанда.

– Ах, ты не знаешь, Габриэль, как я рада, как я довольна! – воскликнула она с таким лихорадочным волнением, что мне даже стало страшно.

– Чем, сеньора? – спросил я. – Мне кажется, вы очень устали, и вам пора бы отдохнуть.

– Нет, я не буду спать всю ночь, – ответила она. – Я не могу спать. Ах, как я счастлива, видя его разочарование!

– Я не понимаю вас, сеньора.

– Ты ничего не понимаешь в этом, мальчик, ступай спать... Но, нет, подойди сюда и слушай. Не правда ли, в этом видна Божья кара? Он слишком доверчив и не видит подле себя змеи.

– Вы говорите, вероятно, о доне Исидоро?

– Именно. Ты ведь знаешь, что он влюблен в Долорес. Он совсем с ума сходит по ней. При всей его гордости, он готов пасть к ногам этой женщины! Он, который привык повелевать, теперь служит игрушкой в руках Долорес и предметом насмешек в театре и везде.

– Но мне кажется, что сеньору Маиквес отвечают на его чувство... – робко произнес я.

– Да, так было раньше, но симпатии Долорес очень переменчивы. О, он, конечно, заслужил это. Долорес – само непостоянство!

– Никогда бы я не мог этого подумать о такой красивой сеньоре.

– С ее ангельским лицом и невинной небесной улыбкой Долорес страшная интриганка и кокетка...

– Так, значит, сеньор Маньяра...

– Вне всякого сомнения, Маньяра ее фаворит. Если она и разговаривает с Исидоро, то только для препровождения времени и для того, чтобы поиграть сердцем этого несчастного человека. Кошке игрушки, а мышке слезки. Не правда ли, он вполне заслужил это? О, я вне себя от радости!

– Поэтому-то, вероятно, сеньора Амаранта и говорила сегодня такие вещи... – сказал я, желая, чтобы моя госпожа разъяснила мне кое-что из слышанного мною.

– Ах, Долорес и Амаранта хоть и похожи с виду на подруг, но они ненавидят, презируют и готовы стереть друг друга с лица земли! Раньше они были в хороших отношениях, и даже еще недавно... Я предполагаю, что при дворе произошло что-нибудь такое, что поссорило их, и, вероятно, все это кончится войной не на жизнь, а на смерть.

– Сейчас видно, что они не в ладах...

– Мне рассказывали, что теперь при дворе идут страшные интриги. Амаранта стоит за старую королеву и короля, между тем как Долорес вместе с другими придворными дамами интригует в пользу принца Астурийского. Они так возбуждены теперь одна против другой, что не умеют скрыть своей ненависти!

– А разве сеньора Амаранта такая же интриганка, как ее подруга? – спросил я, желая услышать подробности о той, которую я уже считал своей благодетельницей.

– Совсем напротив, – ответила донья Пепа. – Амаранта в полном смысле слова аристократка, она очень скромна и безупречного поведения. Она удивительно добра и от души готова помочь всякому, кто только нуждается в ее помощи. При дворе она пользуется огромным влиянием, и тот, кто заслужил ее расположение, должен считать себя счастливым.

– Мне так и казалось, – ответил я, очень довольный этими хорошими новостями.

– Я надеюсь, что Амаранта поможет мне в моей мести, – произнесла моя госпожа с прежним лихорадочным волнением.

– Против кого? – спросил я в изумлении.

– Пьеса для игры в доме маркизы уже выбрана, – продолжала она, не расслышав моего вопроса. – Но никто не хочет взять роли Яго, а для меня это очень важно. Не сыграешь ли ты эту роль, Габриэль?

– Я, сеньора!.. Я совсем не умею играть...

Она задумалась, сдвинула брови, опустила глаза и, наконец, вернулась к началу разговора.

– Я удовлетворена! – произнесла она страстно. – Долорес ему неверна, Долорес его обманывает, Долорес выставляет его в смешном виде, Долорес его наказывает... Боже мой! Теперь я вижу, что есть справедливость на земле!

Затем она немного успокоилась, велела мне уйти и когда, позвав свою горничную, вошла в спальню, то до моего слуха долетели ее судорожные рыдания. На просьбы горничной успокоиться и лечь она только ответила:

– Зачем я буду ложиться, когда я знаю, что не усну всю ночь?

Я ушел в мою маленькую комнатку, куда никогда не проникали лучи света. Я лег, огорченный несчастной страстью моей госпожи, но скоро эти мысли отошли на задний план, и я стал думать о моем собственном положении. И, видя в своем воображении чудный образ Амаранты, я уснул крепким, счастливым сном.

VIII

Проснувшись на другое утро, я сразу припомнил все вчерашние события и стал о них думать.

– Когда же наступит час идти к сеньоре Амаранте! – говорил я сам с собою. – Нет сомнения, я попал к ней в милость; впрочем, это не так удивительно, потому что я не раз слышал, что недурен собою... Кто знает, быть может, лет через пять я буду каким-нибудь графом или герцогом. Разве я не слышу, как совсем темные люди, благодаря своему уму и чьей-нибудь протекции, залетают очень высоко? Донья Пепа говорит, что сеньора Амаранта пользуется большим влиянием при дворе; кто знает, быть может, в ее жилах течет королевская кровь? Господи, но что мне сделать, чтоб удостоиться ее милости? Клянусь Богом, что если она поможет мне выдвинуться, я сумею не ударить в грязь лицом! Первое, что я сделаю – это уничтожу бедность в Испании и издам повеление, чтоб на всех рынках понизили цену на съестные припасы для бедных. С Францией у меня не будет никаких столкновений; она сама по себе, а мы сами по себе. А если кто посмеет меня ослушаться, то без долгих разговоров я прикажу снять ему голову с плеч. О, если мне удастся возвыситься, как будет счастлива моя бедная Инезилья! Она уже не будет целые дни гнуть спину за работой. Конечно, Инезилья такая милая и кроткая, что я всю жизнь буду ее любить, но я должен любить также и Амаранту... Но как же я оставлю Инезилью?.. А как же я забуду для нее Амаранту?.. Они обе такие хорошие...

Так размышлял я, лежа в постели и рисуя себе картины будущего. Одно только предположение, что я могу быть любимым женщиной, имеющей влияние при дворе, заставляло меня уже мечтать добиться через нее почестей и славы. Я узнаю в этом испанскую кровь. Мы все и всегда одинаковы.

Я встал, оделся и, взяв корзинку, пошел на рынок за провизией. Дорогой мне пришла в голову мысль, что ходить на рынок слишком унижительно для человека, который, быть может, не сегодня-завтра будет адмиралом, министром или даже королем какого-нибудь маленького королевства.

Оставлю на время мою собственную самонадеянную персону и перейду к воспоминанию о том, какое впечатление производили на народ эти ожидаемые политические перемены. Я заметил, что на рыночной площади многие собирались кучками и о чем-то оживленно толковали.

Продавец рыбы, наш постоянный поставщик, как мне показалось, был в особенно веселом настроении.

– Ну, что новенького? – спросил я.

– О, большие новости! Французы вошли в Испанию. Если б ты знал, как я рад!

И, понизив голос, он сказал мне с лукавой улыбкой:

– Они пришли, чтоб завладеть Португалией! Ведь можно с ума сойти от радости!

– Я ничего не понимаю!

– Ах, Габриэль, ты еще слишком молод, чтоб понимать такие вещи! Поди-ка сюда поближе! Если они завладеют Португалией, то кому же они отдадут ее, как не Испании?

– Да разве можно так скоро завладеть страной и отдать ее кому-нибудь, как фунт кизила?

– Нет сомнения, что будет так. Люблю я Наполеона! Он очень расположен к Испании и только и думает о том, чтобы сделать нас счастливыми.

– Полно вам толковать! Он думает только о том, как бы выманить у нас деньги, корабли, войска и все, что ему угодно! – сказал я с твердой решимостью окончательно порвать с Францией, когда сделаюсь министром.

– Он уже расположен к нам потому, что хочет избавить нас от первого министра Годоя, которого все терпеть не могут.

– Да что такого сделал этот сеньор, что его все так ненавидят?

– Но, скажите на милость, ведь это первый негодяй в Испании! Всем известно, что он фаворит королевы и только благодаря этому достиг такого высокого положения. Он продает места, да еще каким бессовестным образом! Если у кого есть красивая жена или дочь, то тот может при нем всего добиться! Теперь он хочет сплавить королей в Америку, чтобы самому сесть на испанский престол... Но он ошибается в расчете, потому что Наполеон разрушит все его планы. Бог знает, что ждет нас, но, мне сдается, Наполеон посадит на испанский престол нашего принца Астурийского, а наш король Карл IV с супругой отправятся, куда им будет угодно.

Больше мы не говорили об этом, и я пошел в галантерейную лавочку купить шелка по поручению горничной.

Аббат Паниагва выбирал себе ленту на пояс, а хозяин, лаская кота, сидевшего на прилавке, говорил хозяйке:

– Теперь уж нет никакого сомнения, донья Амброзия, что нас освободят от этого выскочки!

– Давно бы так, – ответила лавочница. – Вероятно, какой-нибудь добрый человек отправился к Наполеону и рассказал ему о всех ужасах, какие творит Годой, вот он и выслал свое войско, чтобы свергнуть его.

– Виноват, сеньора, – произнес аббат, подымая голову от прилавка, – но мне приходится возвращаться в лучшем обществе, и я слышал из верных источников, что у Наполеона совсем обратные намерения. Он выслал свои войска не против Годоя, а за Годоя, потому что существует тайный договор, по которому решено завоевать Португалию и разделить ее на три части между тремя лицами, одним из которых будет князь де ла Паз.

– Об этом говорили, но очень давно, и никто теперь уж не думает о подобном разделе, – с презрением ответил хозяин магазина. – Наполеон хочет завоевать Португалию только для того, чтобы отнять ее у англичан, да-с, сеньор!

– А мне говорили, – прибавила донья Амброзия, – что Годой хочет отправить королей в Америку и взять себе испанскую корону. Но уж этого мы не допустим, не правда ли, дон Анатолио? Хотя, конечно, чего уж ждать хорошего от человека, женатого на двух женщинах!

– И говорят, что за обедом одна из них сидит по его правую руку, другая по левую, – сказал дон Анатолио.

– Ради Бога, говорите тише! – произнес аббат Паниагва. – О подобных вещах нельзя говорить вслух.

– Нас никто не слышит, и кроме того, если б стали арестовывать тех, кто высказывает подобные вещи, то Мадрид сразу опустел бы!

– Всем известно, в каких отношениях Годой состоит с королевой, – сказала донья Амброзия.

– Но об этом не говорят, сеньоры, об этом молчат! – воскликнул Паниагва. – Говоря откровенно, мне неприятно это слушать. Мне даже как-то страшно. Вдруг это дойдет до князя де ла Паз!

– Но так как мы не ожидаем от него прибыли или каких-нибудь других выгод...

– До свиданья, отпустите меня, донья Амброзия, я тороплюсь, – в смущении проговорил аббат. – Я выбрал вот эту зеленую ленту, а голубая не годится, мне неудобно будет показаться в ней в доме графини.

Она торопливо завернула ему выбранную им ленту и так же торопливо дала мне шелк, чем я вовсе не был доволен, потому что охотно бы еще послушал разговор о политике. Я направился домой, но дорогой встретил монаха Хозе Салмона, который нередко ходил к донье Домингвите, бабушке моей госпожи, и лечил ее от всевозможных недугов. Салмон, в фамилии которого недоставало только одного «о» для того, чтобы напоминать премудрого царя Соломона, считал себя человеком образованным и необыкновенно умным.

– Как здоровье доньи Домингвиты? – остановил он меня вопросом. – Хорошо ли на нее подействовала сушеная малина, которую я ей принес в последний раз?

– О, превосходно! – ответил я, хотя не имел ровно никакого понятия о ее действии.

– Вот сегодня вечером я принесу ей порошочки, после которых она совсем помолодеет, или я не буду отец Салмон! Но какие у тебя прекрасные груши! – прибавил он, запуская руку в мою корзинку. – Ты мастер покупать!

И, взяв пару груш, он сначала понюхал их, затем опустил в широкий рукав своей длинной одежды, без всякого позволения с моей стороны, и прибавил:

– Передай ей, что сегодня вечером я зайду к ней порассказать о важных политических новостях.

– Вот вы все знаете, отец Хозе, – произнес я, стораю от любопытства, – не можете ли вы объяснить мне, зачем приближаются французские войска?

– Если бы ты хоть наполовину был так умен, как я, то ты понял бы, в чем дело, – ответил он. – Разве ты не знаешь, что Наполеон возвысил Францию после всяких интриг и революций? Разве ты не знаешь также, что у нас есть человек, подкапывающийся под святые основы церкви? Зная все это, трудно не понять, что французские войска идут только для того, чтобы наказать этого нераскаянного грешника и заклятого врага духовных начал.

– Неужели же сеньор Годой не только светский интриган, но и враг духовенства? – спросил я, удивленный таким скоплением отрицательных качеств у фаворита.

– Без сомнения, – ответил монах. – А если бы нет, то по какой же причине он стал бы вводить реформы в монашеских орденах, отрывать монахов от монастырской жизни и посылать их дежурить в городские больницы? Он готовит также проект, в силу которого у нас будут отняты земли и отданы в пользу народных школ земледелия. О, если б все, что говорят, было правдой, – продолжал он, снова запустив руку в мою корзинку, – то было бы очень хорошо. Но мы ждем только Наполеона, в надежде, что этот несравненный полководец избавит нас от тирании и отдаст испанский престол принцу Астурийскому Фердинанду, на благоразумие и опытность которого мы все надеемся.

Сказав это, он взял из корзинки вторую пару груш и горсть кизила и вновь опустил в свой широкий рукав. Я решил поскорее расстаться с этим образованным человеком, разговоры которого стоили мне так дорого.

Конечно, я узнал не особенно много, но понял, однако, что почти все относятся с презрением к Годой, считают его интриганом, грабителем, безнравственным человеком и даже

врагом церкви. Кроме того, я ясно видел, что Фердинанд, принц Астурийский, пользуется всеобщей любовью, что на него возлагают самые радужные надежды и многого ждут от его дружбы с Бонапартом, войска которого уже вступили в Испанию, чтобы идти на Португалию.

Я снова зашел на рынок, чтобы пополнить опустошение, учиненное монахом в моей корзинке, и отправился домой.

IX

Но домой я попал нескоро, потому что по дороге заглянул к моему другу точильщику Пакорро Чинитасу, имевшему точильную мастерскую в нашем околотке. Я как сейчас вижу перед собой точильный станок, быстро вертящееся колесо и мелкие искры, разлетающиеся при работе.

Чинитас был человек на вид гораздо старше своих лет – виной тому неприятности, доставляемые ему женой. Это была женщина невозможная в полном смысле слова; она дралась с мужем чуть не ежедневно и ругалась на весь квартал. Чинитас долго терпел, но, наконец, принужден был просить развод, решившись не иметь иной подруги жизни, кроме своей точильни.

Когда я его узнал, он уже развелся с женой. Это был человек сдержанный и молчаливый, но когда дело касалось воспоминаний, семейной жизни, он говорил без умолку. Я всегда любил беседовать с ним и находил его далеко не глупым и рассудительным. Впоследствии, когда политические события сами говорили за себя, я оценил по достоинству спокойствие и дальновидность моего приятеля.

– Как поживаете, Чинитас? – произнес я, входя в его мастерскую. – Что это все толкуют? Неужели французы пришли в Испанию?

– Говорят, – ответил он. – И народ доволен.

– Они, кажется, идут завладеть Португалией?

– Говорят...

– Это очень вероятно. К чему существовать Португалии?

– Видишь ли, Габриэлильо, – сказал он и на минуту отнял ножницы от точильного камня, вследствие чего прекратился шум, – мы с тобою дураки и ничего не понимаем в этих вещах. Но мне кажется, что все эти сеньоры, которые радуются приходу французов, понимают еще менее нас с тобой и скоро увидят свою ошибку. Что ты об этом думаешь?

– Что же я могу думать? Раз Годой такой негодяй, то очень может быть, что Наполеон свергнет его, а на престол посадит принца Астурийского, который, как ожидают, будет превосходно управлять страной.

Чинитас снова приложил ножницы к камню, натянул ремень, привел в движение станок ногой, выразительно плюнул в сторону и сказал:

– Я говорил и говорю, что все эти сеньоры глупцы. Мы не умеем ни читать, ни писать, а подчас понимаем больше их; они там, наверху, ослеплены властью, а нам снизу все видно. Подумай сам, Габриэль, ведь нужно быть слепым, чтобы не видеть, что Наполеон говорит не то, что думает. Этот человек перевернул весь мир; не одного короля он сверг с престола, чтобы отдать этот престол какому-нибудь из своих братьев. Говорят, что он хочет свергнуть выскочку и посадить на престол принца Астурийского, а я смеюсь над этим. Смотри, как бы он вместе с Годоем не устроил какой-нибудь штуки. Наполеону нет ровно никакого дела до того, будет ли царствовать Фердинанд или управлять Годой. Он хочет завладеть Португалией для того, чтобы одну часть ее отдать нашему министру, а другую какой-то инфанте Трурии, или Этрурии, уж я там не знаю...

– Какое же нам дело до того, завоюют ли ее или разделят? – спросил я не без жестокости по отношению к нашим соседям португальцам. – Лишь бы свергли этого человека...

– Если сегодня завоюют Португалию, потому что это маленькое королевство, то завтра завоюют Испанию, потому что она большое. Я выхожу из себя, когда вижу радость всех этих сеньоров! Они ликуют, видя на своей земле войска Наполеона, и уверяют, что он идет на Португалию, между тем как ясно, что он точит зубы на Испанию.

– Но ведь говорят, что нет греха, которого не совершил бы этот выскочка...

– Видишь ли, милый мой, – спокойно начал Чинитас, поводя пальцем по острию ножиц, – мне всегда смешны эти слухи. Правда, что это человек честолюбивый, заносчивый, думающий только о собственной наживе, но если он достиг того, что его сделали и герцогом, и генералом, и принцем, и министром, то кто же виноват в этом, как не тот, который дал ему все это не по заслугам? Если завтра тебе скажут: «Габриэль, ты будешь тем-то и тем-то, потому что я этого желаю, несмотря на то, что ты необразованный человек», – что ты ответишь? Ты ответишь: «Я согласен».

– Без всякого сомнения!

– И хотя этот человек сделал много дурного, но половина того, что ему приписывают, – клевета. Ты сам видишь, что теперь его бранят даже те, которые прежде хвалили; все чувствуют его падение, ну, и клеветают. А мне сдается, что мы увидим скоро немало серьезных дел... Я говорил и говорю, что произойдет то, чего никто не ожидает, и что те, которые теперь потирают себе руки от удовольствия, быть может, скоро будут плакать горькими слезами. Вот вспомнишь мои слова!

Эти рассуждения, показавшиеся мне основательными, заставили меня призадуматься. Я тут же решил, что этот умный точильщик будет моей правой рукой, когда я достигну звания государственного секретаря, министра, словом, тех высоких ступеней, на которые я поднимаюсь с помощью сеньоры Амаранты.

– Во всяком случае хорошо бы, если бы поскорей все это началось. Не правда ли? – сказал я.

– Видишь ли, Габриэль, – ответил Чинитас пророческим тоном. – Мне кажется, что наш наследник не представляет из себя ровно ничего выдающегося... Я говорю тебе это с глазу на глаз, потому что если нас услышат, то сейчас же арестуют. При жизни покойной принцессы Астурийской, – царствие ей небесное! – все говорили, что Фердинанд враг французов и Наполеона, потому что Наполеон помогал Годое, а теперь французы для него первые друзья и Наполеон гениальный человек, и все потому, что он принял сторону принца Астурийского. Это не называется быть положительным человеком, Габриэлильо. Мне сдается, что инфант с большим удовольствием сел бы на испанский престол при жизни своего отца. К этому его побуждает и архиепископ Толедский³, и многие другие каноники, желающие завладеть выгодными местами. Эти высокопоставленные люди очень честолюбивы, толкуя о благе отечества, думают о высоких должностях, – имей это в виду. Я не учился ни читать, ни писать, а у меня есть своя грамматика, по которой я умею распознавать людей не хуже другого ученого. Мы, темные люди, часто ясно видим будущее. Поэтому я и говорю тебе, что скоро мы услышим о серьезных делах... Вот вспомнишь мои слова!

Когда я простился с Чинитасом и пошел, наконец, домой, я припоминал все слышанное мною сегодня. Каждый судил о политических делах и лицах так, как ему это было удобно. Только один Чинитас был беспристрастен. Я лично находил, что превосходно, если великий завоеватель завладеет маленькой, ничтожной, на мой взгляд, Португалией. Мне казалось, что Годое, конечно, надо свергнуть и ждать вступления на престол наследника. Приближаясь к дому, я решил, что Чинитас будет мне незаменимым помощником и советником в будущем.

³ Антонио Паскуаль, младший брат Карла IV.

Х

Все слышанное мною накануне и в этот день глубоко засело в моей памяти. Мне казалось, что я сразу поумнел и что теперь больше, чем когда-либо, достоин внимания сеньоры Амаранты.

Я с таким нетерпением ждал вечера, что не мог ничем спокойно заняться. Мне не удалось в этот день навестить Инезилью. Как только я исполнил все мои домашние обязанности, я отпросился со двора. Я надел свое лучшее платье и долго гляделся в тусклый обломок зеркала, отражавший мое молодое, взволнованное лицо. Мне казалось, что я очень недурен собою, жаль только, что мое платье не сшито у лучшего портного и из тонкого сукна. Но недостатки костюма я постарался сгладить артистической прической. Обдумав все фразы, которые я скажу моей богине, и окончив все приготовления к свиданию, я вышел, наконец, из дому, никому не сказав, куда я отправляюсь.

Придя на улицу Коньисарес, я вошел в дом, куда вчера провожал гостей моей госпожи, и спросил горничную Кармен. Она скоро появилась и, не говоря ни слова, повела меня по каким-то широким и темным коридорам. Наконец, мы вошли в изящно отделанную комнату, где она и велела мне подождать. Пока я стоял здесь, из соседней комнаты до меня долетали смех и разговоры, и там я различал старческий голос дипломата. Сеньора Амаранта не заставила себя долго ждать. Когда я услышал звук отворяемой двери, когда я увидел, как вошла эта красавица и с доброй улыбкой приближалась ко мне, я замер от волнения.

– Ты очень аккуратен, – сказала она мне. – Не желал ли бы ты поступить ко мне в услужение?

– Сеньора, – ответил я, чувствуя, что все приготовленные фразы сразу выскочили из моей головы, – я очень рад был бы служить вам и делать все, что вы прикажете.

– Или я ошибаюсь, – произнесла она, садясь недалеко от меня, – или ты сын благородных родителей и по какой-то случайности занимаешь не соответствующее твоему происхождению положение.

– Мой отец был кадикским рыбаком, – ответил я, внутренне в первый раз в жизни жалея о моем низком происхождении.

– Какая жалость! – воскликнула Амаранта. – Но это, конечно, ничего не значит. Пепа сказала мне, что ты очень добросовестно исполняешь свои обязанности и, главное, что ты сдержан; она передавала мне также, что ты очень способный и обладаешь пылким воображением и что в иной обстановке ты мог бы далеко пойти.

– Моя госпожа слишком добра ко мне, – произнес я, необыкновенно польщенный ее словами.

– Прекрасно, – продолжала она. – Ты понимаешь, что я не могла бы взять тебя к себе в услужение без личной рекомендации. Но мне и самой кажется, что ты создан для иной жизни... думаю, что судьба будет тебе благоприятствовать. Кто знает, кем ты можешь стать со временем?..

– О, да, сеньора, кто знает! – воскликнул я, будучи не в силах удержаться от энтузиазма.

Как я уже сказал, она сидела против меня; ее правая рука играла большим золотым медальоном, висевшим на ее шее, и его бриллианты слепили мне глаза. Я был до такой степени благодарен ей и восхищен ею, что не понимаю, как тут же не упал к ее ногам.

– На первое время я требую от тебя только безусловной преданности. Я привыкла щедро вознаграждать тех, кто мне верно служит, а для тебя сделаю больше, чем для кого-либо, потому что меня трогает твое сиротство, скромность и преданность делу.

– Сеньора, чем я отплачу вам за все благодеяния! – вскричал я в порыве благодарности.

– Твоей преданностью мне и буквальным исполнением того, что я тебе прикажу.

– Я буду верен вам до самой смерти, сеньора!

– Как видишь, я требую немногого. А я могу сделать для тебя, Габриэль, то, что тебе и во сне никогда не снилось. Другие, менее достойные, чем ты, поднялись на недостижимую высоту. Тебе никогда не приходила в голову мысль, что и ты также можешь подняться очень высоко, благодаря какой-нибудь могущественной руке?

– Да, сеньора. Это не раз приходило мне в голову, и я с ума готов был сойти от этой мысли. Когда я заметил, что вы остановили на мне ваш благосклонный взгляд, то я подумал, что, верно, Господь сжалился надо мною и через вас даст мне все то, чего мне не доставало в жизни.

– Ты недурно думал, – улыбнувшись, сказала Амаранта. – Твоя преданность мне и повиновение доставят тебе то, что ты желаешь. Теперь слушай. Завтра я еду в Эскуриал, и ты должен ехать со мною. Ничего не говори твоей госпоже; я сама берусь переговорить с нею и все уладить. Не говори также никому, что ты со мной разговаривал – понял? Послезавтра ты придешь ко мне домой и вместе с экипажем поедешь в Эскуриал. Там мы пробудем только несколько дней и затем вернемся сюда, чтобы присутствовать на спектакле, который будет дан в этом доме. После этого ты вернешься опять на время к Пепе.

– Как, опять туда! – удивился я.

– Да; ты потом узнаешь, для чего это нужно. Теперь ты можешь идти; жду тебя завтра.

Я обещал быть аккуратным и простился с нею. Она протянула мне руку для поцелуя; прикоснувшись губами к тонкой белой коже, я почувствовал, что меня точно пронзила электрическая искра. Ни ее взгляды, ни ее слова не напоминали мне, что она госпожа, а я слуга; она держала себя так, как будто мы были одного с нею общества.

Я вышел на улицу. С кем было мне поделиться моей радостью? Тут я вспомнил, что Инезилья живет в этом же доме, и торопливо поднялся по лестнице. Инезилью я нашел очень грустной; ее мать, донья Хуана, прихварывавшая эти дни, совсем занемогла.

– Инес! Инезилья! – воскликнул я, застав ее одну в комнате. – Мне надо поговорить с тобой. Знаешь, я уезжаю!

– Куда? – с живостью спросила она меня.

– Во дворец, ко двору, делать карьеру! А теперь ты не будешь смеяться надо мною, теперь ты видишь, что это правда.

– Что правда?

– Что счастье улыбнулось мне. Помнишь, о чем мы говорили с тобой на днях? Я тебе говорил, что будет так, а ты не хотела мне верить, помнишь?

– Да что такое? Скажи толком!

– Я говорил тебе, что одна личность возвысилась, потому что высокопоставленная особа захотела ей оказать протекцию, ну, вот почти то же самое случилось и со мной.

– Ну, теперь я понимаю; предупреди, пожалуйста, когда ты взлетишь наверх. Завтра же, вероятно, мы увидим тебя генералом или, по крайней мере, министром.

– Напрасно ты шутишь. Завтра этого, конечно, не случится, но со временем – кто знает?..

Инезилья засмеялась, а я смутился.

– Да пойми, дурочка, – с напускной серьезностью произнес я, – что ведь тот был простым гвардейским офицером, и в одно прекрасное утро он...

– А, вот оно что! – воскликнула Инезилья с еще более жестокой насмешкой. – Как вы стали скрытны, сеньор дон Габриэль! Можно узнать имя той сеньоры, которая влюбилась в вас?

– Пока еще никто не влюбился, но видишь ли... я молод, и у каждого свой вкус... и я встретил сеньору, которой я понравился.

Инезилия все смеялась, но я заметил, что при моих последних словах смех ее звучал неискренне, она, очевидно, старалась быть веселой. Скоро она перестала смеяться, сделалась очень серьезна и сказала любезным тоном:

– Прекрасно, ваша светлость, теперь мы будем знать, как держать себя с вами.

– Тут нечего сердиться, – сказал я, – если нашлась особа, которая желает мне покровительствовать, то не буду же я отворачиваться от нее. Если б ты знала ее, Инезилия! Если б ты видела эту сеньору!.. Все, что я тебе говорю, не может передать ее прелести и очарования!

– И эта сеньора влюбилась в тебя?

– Поди ты со своей любовью! Совсем нет; я просто поступаю к ней в услужение. Конечно, со временем, кто знает... Если б ты видела, как она со мной обращается... Совсем как с равным... И так интересуется мною... Она очень богата и живет в большом доме, похожем на дворец, недалеко отсюда, и держит много слуг, и на шее у нее медальон, а на нем бриллианты величиною с яйцо... И когда она глядит на тебя, то можно забыть все на свете... А как она красива! При дворе она так же могущественна, как сам король, и ее зовут...

Тут я вдруг вспомнил, что Амаранта велела мне никому не рассказывать о моем свидании с ней, и замолчал.

– Прекрасно, – сказала Инезилия. – Я по всему вижу, что ты скоро будешь ходить в блестящем, расшитом золотом мундире, будешь свысока разговаривать с людьми и будешь иметь удовольствие слышать, что тебя называют грандом и гордецом.

– Вот что значит не понимать ничего! – сказал я ей не без раздражения. – С чего ты взяла, что все знаменитые люди гранды и гордецы? Нет-с, между ними есть очень хорошие. Представь себе, что я сделаюсь, например... Не смейся, пожалуйста, мы все дети Адама, и Наполеон Бонапарт сотворен так же по образу и подобию Божию, как и я. Представь себе, например... не смейся, если ты будешь смеяться, я замолчу...

– Я вовсе не смеюсь, – ответила она, становясь вновь серьезной. – Ты вполне прав. Остается только согласиться с тобой. Что стоит сделаться генералиссимусом, министром, принцем или герцогом? Ровно ничего! К чему портить себе глаза за книжками в университетах, к чему быть образованным человеком, когда стоит только обратить на себя внимание какой-нибудь придворной дамы и тебя сразу сделают посланником?

– Это совсем не то; ты меня положительно не понимаешь, – сказал я, не зная, как говорить, чтоб заставить ее понять меня. – Учиться и уметь управлять государством и все прочее – это дается не сразу. Конечно, надо быть образованным и ученым человеком до некоторой степени, но нынче, милая, ты видишь, что нужно совсем не то. Не один Годой, а сотни людей занимают высокие положения, благодаря простой случайности. Я знаю, что говорю.

– Послушай, Габриэль, – сказала Инезилия, оставляя свою работу. – На свете все делается по заведенному порядку. Сама судьба велит повелевать тем, кто повелевает... Так уж установлено, и короли рождаются королями... Если какой-нибудь человек не царской крови управляет страной, то это потому, что Бог сделал его талантливее остальных. Мы видим пример в Наполеоне: он властвует чуть ли не над целым миром, он собрал себе несколько миллионов войска, потому что он учился с ранних лет и одарен такой гениальностью, что превзошел всех своих учителей... А тот, кто возвышается не по заслугам, а случайно, из-за своей хитрости, или потому, что он понравился королю, что он делает для того, чтобы удержаться на своем месте? Он обманывает народ, он притесняет бедных, старается обогатиться, продает должности и прочее. Но он бывает наказан за это, потому что все его ненавидят и стараются свергнуть. Ах, милый мой! Удивляюсь, как ты этого не понимаешь, ведь это ясно как день!

Хоть это и было ясно как день, но я этого не понимал. Наоборот, я даже видел зависть в этих разумных словах Инезилии; мне казалось, что она просто хочет меня унижить; я уже чувствовал себя важной птицей и ответил ей довольно высокомерно:

– Инезилья, будем говорить прямо. Я вижу, что ты сама многого не понимаешь... Ты очень добра, я люблю тебя и уважаю. Не сомневайся, что в будущем я сделаю для тебя все, что в моих силах. Ты очень добра, но надо признаться, что ты не умна. Ты женщина; в сущности все женщины умеют только шить, варить суп, а в серьезных делах ровно ничего не понимают... Эти разговоры не твоего ума дело! Мы, мужчины, можем об этом рассуждать, потому что гораздо умнее вас... Я не удивляюсь тому, что ты сейчас говорила, потому что... что ты понимаешь в этом? Но ты очень хорошая девушка; я тебя люблю, очень люблю, не сердись. Ты можешь быть покойна, что я никогда не забуду о тебе.

С этими словами я встал, находя, что должен искать более серьезного собеседника. Инезилья не сказала мне ни слова, и я, привлеченный веселыми звуками флейты дона Челестино, отправился к нему в комнату. Заложив руки за спину и подняв голову, я обратился к нему покровительственным тоном:

– Ну, как идут ваши дела, сеньор?

– О, божественно! – ответил он со своей обычной доверчивостью. – Наконец-то я узнал уже наверняка, что на будущей неделе я получу приход!

– Мне кажется, вам не дурно было бы получить этак... небольшую ренту... Я говорю это потому, что знаю личность, которая могла бы вам ее определить...

– Кто же, милый мой, кто же может это сделать, как не мой земляк и друг Мануэль Годой, князь де ла Паз?

– Заяц выскакивает оттуда, откуда его менее всего ожидают⁴... Увидим, увидим... – сказал я, делая все возможные усилия, чтобы казаться таинственным и серьезным.

Пустив ему пыль в глаза этими словами, я вернулся к Инезилье, так как не хотел расставаться в дурных отношениях с нею. К моему великому удивлению, молодая девушка нисколько не сердилась на меня и заговорила со мной со свойственным ей спокойствием, всегда пленявшим меня. Прощаясь, я вновь обещал никогда не забыть ее, и она была так ласкова, как будто между нами ничего не случилось.

Через день моя госпожа сказала мне, что она согласилась на просьбу Амаранты отпустить меня к ней. Я взял мои жалкие пожитки и отправился в дом моей новой госпожи. Там меня облекли в ливрею и, посадив в карету для прислуги, которая должна была следовать за каретой, где сидел старый дипломат со своей сестрой, отправили в Эскуриал, куда мы и прибыли к вечеру.

XI

Так как, прибыв в Эскуриал, мы были удивлены большой новостью, то не лишним будет, если я передам пророческие слова мажордома маркизы, ехавшего в одном экипаже со мной.

– Мне сдается, что во дворце что-то неладно, – сказал он мне. – Нынче утром в городе ходили разные слухи... Но мы все скоро узнаем, так как часа через три будем на месте.

– А какие слухи ходили в Мадриде?

– Здесь все любят принца Фердинанда и ненавидят старых короля и королеву и, как мне кажется, их величества хотят избавиться от сына, удалив его от себя... Я сам видел принца, у него такое лицо, что просто жалко смотреть... Все знают, что отец и мать его не любят, а в этом мало хорошего. Ведь старый король ни разу не возьмет его с собой на охоту, ни разу не посадит его за один стол с собой и никогда не приласкает, как всякий отец.

– Может быть, принц Фердинанд замешан в какие-нибудь заговоры? – спросил я.

⁴ Испанская поговорка: «En donde menos se piensa salta la liebre».

– Очень может быть. На прошлой неделе я был во дворце и слышал, что принц ведет себя очень странно... Он запирается один в своей комнате, ни с кем не говорит и не спит целые ночи напролет. Двор очень взволнован этим и, кажется, хотят даже приставить к принцу воспитателя, который бы следил за ним.

– Я теперь припоминаю, что мне говорили, что принц очень любит литературные занятия и целые ночи просиживает за переводами с французского или латинского.

– Да, в Эскуриале так думают, но Господь знает... Есть люди, уверяющие, что принц занят совсем другим и что войска Наполеона пришли в Испанию вовсе не для того, чтоб завоевать Португалию, а чтобы усилить партию принца.

– Мне кажется, это просто сплетни; вероятно, бедный Фердинанд не думает ни о чем другом, кроме как о своих переводах с французского.

– А я знаю наверное, что родители не очень-то ему доверяют, потому что ходят слухи о каком-то заговоре...

Когда мы приехали в Эскуриал, старый дипломат с сестрой вышел из своей кареты, а мы из своей. Амаранта прибыла накануне, и мажордом повел нас в ее апартаменты целым рядом коридоров, внутренних двориков и зал. Сразу видно было, что произошло что-то необыкновенное, потому что люди в беспорядке сновали взад и вперед по залам. Старая маркиза спросила, что случилось, но ей ответили как-то туманно, неопределенно.

В апартаментах моей новой госпожи я занимался раскладкой чемоданов, когда она вошла в комнату в таком сильном волнении, что должна была успокоиться прежде, чем начать говорить.

– О! – воскликнула она на расспросы дяди и тетки. – Происходит нечто ужасное! Заговор, революция! Когда вы выезжали из Мадрида, вы не заметили там ничего особенного?

– Ничего; все было спокойно.

– А здесь... Это ужасно... Нельзя поручиться, что мы доживем до завтрашнего дня!

– Но, милая, скажи же нам яснее!

– Кажется, раскрыт заговор, покушение на жизнь короля и королевы! При дворе все было приготовлено к восстанию...

– О, какой ужас! – воскликнул дипломат. – Недаром я говорил, что под личиной верных слуг короля скрывается много якобинцев!

– Здесь дело вовсе не в якобинцах, – продолжала моя госпожа. – Самое ужасное, что главный заговорщик – принц Астурийский, сын короля!..

– Не может быть! – воскликнула маркиза, очень преданная принцу. – Его высочество не способен на такую подлость. Я всегда говорила, что если враги не могли погубить его никаким другим образом, они погубят его клеветой.

– Готовившаяся революция, как утверждают, должна была быть ужаснее французской, – продолжала Амаранта. – Проникли в комнату принца и там нашли бумаги, которые... Говорят, что замешаны в заговор каноник Хуан де Эскоиквис, герцог дель Инфантадо, граф Оргас и Педро Кольядо, бывший водовоз фонтана Берро, а теперь слуга принца.

– Я думаю, племянница, – произнес старый дипломат, оскорбленный тем, что она знает эти новости раньше его, – я думаю, что это просто плоды твоего пылкого воображения. Все, что теперь происходит, не представляет никакой важности, я давно это знал, но не считал нужным говорить об этом.

– Я передам так, как мне передавали. С некоторого времени стали замечать, что принц проводит целые вечера, запершись у себя в кабинете один. Король думал сначала, что он занимается каким-то французским переводом. Но вчера его величество нашел у себя в комнате письмо, на конверте которого было написано: «Немедленно, немедленно, немедленно». Король распечатал конверт и прочел: «Берегитесь; готовится заговор во дворце. Трону грозит опасность; королева Мария-Луиза будет отравлена». Подписи не было.

– Боже праведный! – воскликнула маркиза, которая, как женщина нервная, готова была упасть в обморок. – Но что за злой демон проник во дворец?

– Можете себе представить положение короля, когда он прочитал эту записку!.. Подозрение тотчас же пало на принца-сына, и решено было отобрать его бумаги. Долго не знали, как к этому приступить, наконец король решился лично сделать обыск в комнате своего сына. Он отправился к нему под предлогом подарить ему том стихотворений, и, говорят, Фердинанд так смутился при его появлении, что бросал беспокойные взгляды на то место, где были спрятаны бумаги. Король забрал все, что нашел, и между ним и сыном произошла бурная сцена, после которой король ушел и приказал ему оставаться в своей комнате и не сметь никого принимать. Это было вчера, вскоре приехал министр Кабальеро и вместе с королем и королевой рассмотрел бумаги. Неизвестно, какого рода было это собрание, но королева ушла в свои комнаты взволнованная и вся в слезах. Затем уж стали говорить, что бумаги, отобранные у принца, содержали в себе ужасные кровавые заговоры, вследствие чего Кабальеро вместе с королем и королевой решили, что принц Фердинанд должен быть приговорен к смертной казни...

– К смертной казни! – воскликнула маркиза. – Да они с ума сошли! Осудить на смертную казнь принца Астурийского!

– Нечего огорчаться раньше времени, – сказал дипломат со своим обычным таинственным видом, – нам должны дать эти бумаги на рассмотрение, мы их внимательно прочтем и решим, как и что делать.

– Но разве неизвестно содержание этих бумаг? – спросила маркиза свою племянницу.

– Об них так много говорят во дворце, что невозможно узнать истину. Королева нам ничего не объяснила; она проплакала всю ночь горькими слезами и только жаловалась на неблагодарность сына. Она говорила также, что не позволит начать преследование против него, потому что виноват не он, а те властолюбивые негодяи, которые окружают его.

– Эти дела должны выясниться сами собою, – сказал маркиз. – Я все разужаю и допытуюсь, заговор ли это врагов принца, или сам принц в этом замешан. Но только когда я все узнаю, то остерегайтесь расспрашивать меня, так как вам известны мои правила.

– Кажется, что уже решили узнать соучастников, – сказала Амаранта, – и сегодня вечером принцу будет устроен допрос.

В это время я уже окончил разборку вещей, и мне больше нечего было делать в этой комнате. Так как я сгорал от желания ознакомиться с дворцом, то вышел в коридор, спустился по лестнице и очутился в большой устланной коврами комнате, за которой следовала целая анфилада. Несколько придворных шли куда-то, и я незаметно пошел за ними, прислушиваясь к их взволнованному шепоту.

Я очень гордился сознанием, что я во дворце, и воображал, что если я ступаю по бархатным коврам, то я уже немаловажная персона. Человек, в жилах которого течет настоящая испанская кровь, всегда одарен известной долей тщеславия и гордости. Мне теперь очень хотелось встретить кого-нибудь из моих мадридских или кадикских друзей, чтобы манерами или словами доказать им мою важность. К счастью, здесь меня положительно никто не знал, и я был лишен случая выставить себя в смешном виде.

Очутившись в этих роскошных залах, устланных дорогими коврами, я обошел кругом почти весь дворец. Я следовал за другими, не имея никакого понятия о том, имею ли я право ходить по этим комнатам; но так как меня никто не остановил, то я и продолжал мой путь со свойственной мне развязностью. Залы были слабо освещены, и с их стен смотрели на меня мрачные картины в золоченых рамах. Это величественное здание, построенное королем Филиппом, очень интересовало меня. Я остановился перед одной из мифологических картин, когда мое внимание было отвлечено странной процессией.

Принц Астурийский возвращался из королевской залы совета, где только что был произведен допрос. Никогда я не забуду ни малейшей подробности этого грустного шествия, которое не давало мне спать всю ночь. Впереди шел какой-то сеньор с канделябром в руках; он держал его почти вровень с головою, вероятно, для того, чтобы освещать путь, но слабый свет падал только на его камергерский мундир. За ним следовало несколько жандармов, вслед за которыми шел молодой человек, в котором я сразу, не знаю почему, узнал наследного принца. Это был высокий брюнет, по виду сангвинического темперамента, с густыми черными бровями, красивым, правильным носом и несколько хитрым ртом. В целом он не был симпатичен, по крайней мере, мне так показалось. Он шел, опустив глаза, и на лице его ясно выражалось волнение. Рядом с ним шел старик лет шестидесяти. Тогда я не догадался, что это был король Карл IV, так как почему-то воображал его маленьким, чуть ли не карликом. Это был человек среднего роста, полный, с небольшим выразительным лицом, в чертах которого, однако, я не заметил ровно ничего королевского, величественного; его можно было принять за простого придворного.

Я обратил гораздо больше внимания на за ним министров и председателя государственного совета (как я узнал впоследствии), следовавших за Карлом IV. Шествие замыкалось заунывно⁵. Гробовое молчание царило вокруг. Пройдя всю анфиладу комнат, процессия остановилась у покоев его высочества. Когда все вошли в кабинет принца, толпа придворных, следовавшая за шествием, снова начала перешептываться.

Я увидел Амаранту. Она вышла искать меня и разговаривала с каким-то кабальеро в мундире.

— Кажется, что во время допроса его высочество относился не совсем уважительно к королю, — сказал кабальеро.

— Так что, его арестуют? — с любопытством спросила Амаранта своего собеседника.

— Да, сеньора. Теперь к нему приставят стражу. Вот все уже выходят... У него, вероятно, отобрали шпагу...

Шествие снова прошло мимо нас, но уже без принца, и снова камергер шел впереди и освещал путь. Когда король и министры удалились, придворные также разошлись по своим комнатам, и долго слышался только шум затворяемых дверей. Освещение в обширных залах было потушено, и мрачные картины в золоченых рамках скрылись в темноте, как привидения с первым криком петуха.

Моя госпожа отправилась к себе в комнату, и я за нею. Так как дела никакого не было, то я высунулся в одно из окон, чтоб ознакомиться с местностью. Уже совсем стемнело, и я различал перед собою только высокие крыши, купола, башни, трубы. Этот непривлекательный вид, в связи с тем, что я только что видел, заставил меня призадуматься. Но мне не удалось надолго сосредоточить мои мысли на грустных предметах, так как я расслышал позади себя шелест платья и мое имя, произнесенное кем-то.

Я тотчас же повернул голову, и глаза мои, привыкшие к темноте, в первую минуту были ослеплены фигурой Амаранты и ее небесной улыбкой. Кругом была полнейшая тишина; маркиз дипломат и его сестра уже удалились к себе. Амаранта уже переменяла свое придворное платье на свободный домашний костюм, который делал ее еще прекраснее, если только она могла быть прекраснее. Когда она позвала меня, ее горничная еще была в комнате, но вскоре она ее отпустила и, сама заперев за ней дверь, сделала мне знак приблизиться.

⁵ Пеший конвой лиц царствующего дома.

XII

– Ты должен помнить, в чем ты мне клялся, – сказала она. – Я доверяю твоей честности и скромности. Я тебе сказала, что ты кажешься мне способным человеком, и скоро тебе представится случай доказать мне это.

Не помню выражений, в которых я вновь стал клясться ей в моей верности, но только, вероятно, они были очень красноречивы и даже сопровождались выразительными жестами, потому что Амаранта рассмеялась и посоветовала мне быть сдержаннее. Затем она продолжала:

– И ты бы не желал вернуться к сеньоре Гонзалес?

– Ни к сеньоре Гонзалес, ни к каким-либо коронованным лицам, потому что, пока я жив, я не хочу расставаться с моей обожаемой госпожой! – ответил я.

Мне помнится, что я упал на колени перед стулом, на котором спокойно сидела Амаранта, но она приказала мне встать, говоря, что мне все-таки придется на время вернуться к моей прежней госпоже, не изменяя новой. Это показалось мне таинственным и непонятным, но я не настаивал на разъяснении, чтобы она не сочла меня дерзким.

– Делая то, что я тебе прикажу, – продолжала она, – ты можешь быть уверен, что далеко пойдешь. Кто знает, Габриэль, может быть, со временем ты будешь могуществен и богат? Другие, менее способные, чем ты, в одно прекрасное утро просыпались герцогами.

– Это вне всякого сомнения, сеньора. Но так как я не высокого рода и круглый сирота, то я учился только читать, да и то с грехом пополам; я еще могу прочесть, когда очень крупно напечатано, но не всякую книгу, а писать умею только одни цифры да свое имя.

– В таком случае необходимо подумать о твоём образовании, мужчина должен быть образован. Я беру это на себя. Но я сделаю это только при условии, что ты мне будешь мне верно служить, уже не в первый раз повторяю тебе это.

– Что касается моей преданности вам, сеньора, то в ней не может быть никакого сомнения. Но я попрошу вас объяснить мне, в чем, собственно, заключаются мои обязанности, – сказал я, все еще не понимая хорошенько рода моей службы.

– Я тебе сейчас скажу. Это вещь довольно трудная и тонкая, но я надеюсь на твою сообразительность.

– Я вполне к вашим услугам для исполнения трудных и тонких поручений! – ответил я с пылом, свойственным моей горячей натуре. – Я буду не слугой, а преданным рабом, готовым пожертвовать для вас моей жизнью.

– Совсем не нужно жертвовать жизнью, – сказала она и засмеялась. – Довольно и одного старания; ты должен быть безусловно предан мне, исполнять мое малейшее желание и всегда быть готовым подчиниться мне.

– В таком случае я сгораю от нетерпения вступить поскорее в исполнение моих обязанностей!

– Все в свое время. Сегодня ночью мне надо написать несколько писем. А пока я ограничусь несколькими вопросами, на которые ты должен откровенно ответить мне, так как это необходимо для моей переписки. Скажи мне: Долорес бывала без меня у Пепы Гонзалес?

Я был крайне удивлен этим вопросом, который казался мне таким же далек от исполнения моих обязанностей, как небо от земли. Но, припомнив, я ответил:

– Да, иногда, хотя не часто...

– И ты встречал ее иногда в уборной в Королевском театре?

– Вот этого я хорошенько не помню и не мог бы поклясться, встречал я ее или нет.

– Ничего нет удивительного, если ты и встречал ее, потому что Долорес не постесняется ходить в подобные места, – сказала Амаранта с нескрываемым презрением.

Затем, помолчав немного и как бы что-то соображая, она продолжала:

– Она ничем не брезгает и всюду готова принимать поклонение своей красотой... Хотя, откровенно говоря, ее красота не имеет в себе ничего особенного.

– Ничего особенного, ровно ничего! – воскликнул я, желая унижить соперницу моей госпожи.

– Прекрасно, – сказала она, – ты будешь отвечать мне на подобные вопросы, которые мне необходимо знать. Но помни, Габриэль, что ты должен быть сдержан с другими; это первое и самое важное. Надеюсь, что я буду довольна тобой, а ты мной, не правда ли?

– Чем я заплачу вам, сеньора, за ваши благодеяния? – воскликнул я с горячностью. – Мне кажется, что я готов с ума сойти, и это, наверное, так и будет. Я не умею вам выразить тех чувств, которые наполнили мое сердце с той минуты, как вы обратили на меня ваше благосклонное внимание. А теперь, когда вы обещаете вывести меня на дорогу и заняться моим образованием, мне кажется, что целой жизни мало на то, чтоб доказать вам мою благодарность, сеньора. Мне так хочется сделаться порядочным человеком! Быть может, это и возможно? Ах, когда родишься бедным, когда не имеешь богатых родственников, когда вырос чуть ли не в нищете, то только и можно выбиться в люди при помощи такой благодетельницы, как вы, сеньора. Если я достигну всего того, о чем мечтаю, то ведь я буду не первым и не последним. Ведь есть же люди, которые обязаны своим возвышением какой-нибудь могущественной женщине, протянувшей им руку помощи.

– Ого, я вижу, ты честолюбив, Габриэль! – добродушно воскликнула Амаранта. – Твои последние слова справедливы. Очень возможно, что и ты неожиданно встретишь покровительницу. Чтобы ты не терял надежды, я расскажу тебе один пример. В давно прошедшие времена и в далеких землях было огромное царство, которым управлял бесталанный владыка; но он был так добр, что его вассалы считали себя счастливыми и очень любили его. Жена его, султанша, была женщина пылкая и с живым воображением; словом, обладала качествами, совсем противоположными качествам ее мужа, вследствие чего этот брак и не был особенно счастливым. Когда султан вступил в управление страной, ему было пятьдесят лет, а султанше тридцать четыре. В это время к ним в янычары поступил молодой человек приблизительно твоих лет и, хотя и был образованнее тебя, но беден, и потому не мог надеяться на блестящую карьеру. Но скоро при дворе разнесся слух, что он понравился султанше, и вскоре это подтвердилось, так как, когда молодому человеку исполнилось двадцать пять лет, он был осыпан всеми повышениями и наградами, каких только может желать простой смертный. Султан, далекий от всякой подозрительной мысли, относился с любовью к молодому фавориту, сделал его великим визирем и женил его на принцессе царской крови. Все подданные султана были этим очень недовольны, ненавидели молодого человека и султаншу. Будучи великим визирем, фаворит сделал для народа кое-что и хорошее, но народ был возмущен массой его дурных поступков, вследствие которых в этом спокойном царстве произошло много смут. Султан все продолжал не видеть, как страдал народ, а султанша хоть и видела, но до такой степени увлеклась визирем, что уже не могла остановиться. Не только народ, придворные, но даже все члены семьи султана горячо ненавидели выскочку. Но что самое странное – молодой человек выказал черную неблагодарность по отношению к женщине, осыпавшей его незаслуженными милостями; он даже не был ей верен и увлекался другими женщинами. Придворные дамы рассказывали, что не раз заставляли султаншу всю в слезах и даже замечали на ее теле следы побоев.

– Какая неблагодарность! – с негодованием воскликнул я. – И Господь не наказал этого человека, и не дал спокойствия бедной стране, и не открыл глаза доброму султану?

– Этого я не знаю, – ответила Амаранта, прикусив зубами кончик гусяного пера, которым собиралась писать. – Я читала эту историю в одной очень старой книге и еще не дошла до ее развязки.

– Какие дурные люди есть на свете!

Она улыбнулась и сказала:

– Если ты когда-нибудь достигнешь такого же высокого положения и по тем же причинам, то ты не будешь таким; ты сделаешь все возможное для того, чтобы твоими хорошими поступками загладить твое невысокое происхождение.

– Если я достигну того, чего хочу, то я буду поступать так, как вы говорите. Я буду управлять страной и в то же время никогда не перестану быть добрым, разумным и великодушным человеком!

Эти слова заставили ее снова рассмеяться. Она обещала мне на следующий же день поручить мое образование патеру и сказала, чтобы теперь я оставил ее одну, так как ей надо писать письма.

Горничная пришла и отвела меня в мою комнату. Я лег спать, но голова моя была полна самых разнообразных мыслей. Когда я, наконец, уснул, то мне снилось, что мне мучительно давят на грудь все эти купола, башни и крыши огромного Эскуриала.

XIII

На следующий день у Амаранты обедали донья Долорес, старый дипломат и его сестра. Здесь не лишним будет сказать несколько слов об этой сеньоре. Это была особа пожилая, гордая, державшая себя с достоинством и испанка с головы до пят. Ее слабой стороной была вера в ум ее брата. Она очень любила всякие празднества и особенно драматические представления. Ее домашний театр был одним из лучших в Мадриде, и на предполагавшуюся постановку «Отелло» она потратила немало денег. Она протезировала актерам, но всегда издала.

На этот обед был приглашен также Хуан де Маньяра; но когда я пошел к нему передать приглашение, он ответил, что благодарит, но никак не может воспользоваться им, потому что тотчас же должен идти на дежурство.

В это утро я как раз встретил его вместе с доньей Долорес; они возвращались с прогулки и были, очевидно, очень довольны друг другом. А вечером в тот же день я снова встретил его в большом дворцовом саду; он шел с низко опущенной головой и, заметив меня, попросил передать письмо донье Долорес. Я отказался, а он, по-видимому, был чем-то взволнован.

Амаранта была недовольна отказом Хуана де Маньяры прийти обедать. Когда я передавал ей это, она разговаривала в своей комнате с одним из сеньоров, которых я видел вчера во время шествия. Собрание это длилось часа полтора, и гость показался мне в высшей степени несимпатичным. Как я впоследствии узнал, это был маркиз Кабальеро, министр юстиции.

На вид ему можно было дать лет пятьдесят. Это был человек небольшого роста и с одним глазом, другой был закрыт навеки. Вообще по наружному виду он производил впечатление крайне неприятное, и надо было предположить, что в нем кроются какие-нибудь необыкновенные нравственные достоинства, в силу которых, при своей физической невзрачности, он достиг такого высокого поста. Но, к несчастью, маркиз Кабальеро был человек вполне ничтожный, даже необразованный, хитрый и страшный интриган.

Он ненавидел министра Годоя, но нашел подход к королю, воздействуя на его религиозное чувство. Он прикидывался горячим защитником интересов церкви, рисовал Карлосу воображаемые опасности и скоро сделался необходимым человеком при дворе. Сам Годой не мог подкопаться под этого хитреца, свергнувшего многих знаменитых людей своего времени, посадившего в тюрьму бывшего министра Уовельяноса и погубившего наконец князя де ла Паз в марте 1808 года.

Когда министр юстиции удалился, все сели обедать. Я служил за столом.

– Я знаю, – сказала Амаранта с целью кольнуть Долорес, – я знаю содержание бумаг, отобранных у принца Фердинанда. Кабальеро сказал мне об этом, прося хранить в тайне, но так как вскоре все это узнают...

– Да, да, скажи нам! Мы никому не передадим этого, – сказала старая маркиза.

– А я стою за то, чтобы ты не говорила, – произнес дипломат, не любивший, когда разоблачали тайны, которых он не знает.

– Среди бумаг принца, – продолжала Амаранта, – нашли доклад королю, который считают делом Хуана Эскоиквиса⁶, хоть он писан почерком Фердинанда. Как кажется, в нем описаны все недостойные поступки Годоя и в довольно смелых выражениях. Там упоминается о его двух женах и о том, как он раздаёт должности, пенсии, ордена...

– И это совершенно верно! – воскликнула маркиза. – Я знаю одного сеньора, которому министр Годой...

Тут она умолкла, заметив, что я нахожусь в комнате. Но мне достаточно было слышать несколько слов, чтобы понять всю суть дела.

– Далее в этих бумагах говорится, – продолжала Амаранта, – что бедную королеву надо засадить в крепость, а князя де ла Паз лишить титулов и прав и сослать; тогда молодой Фердинанд будет помогать отцу в управлении страной.

– Все это вполне основательно, – подтвердила маркиза, втайне удивляясь, что эти меры вполне сходятся с ее собственным взглядом на положение вещей, – все это вполне основательно, но я никогда не решусь повторить это за стенами твоей комнаты, племянница.

– Но здесь я не боюсь говорить об этом, – ответила Амаранта. – Кабальеро не умеет хранить секретов, и я знаю, что он уже многим рассказал его. Но нашли еще интересные бумаги, писанные диалогами, как театральные пьесы. Здесь все действующие лица названы иными именами; так, Фердинанд называется дон Августин, королева – донья Филиппа, король – дон Диего, Годой – дон Нуньо, а принцесса, на которой предполагали женить нашего наследника, – донья Петра.

– Какой же сюжет этой пьесы?

– Главное лицо здесь королева, и перед ней один за другим разоблачают все дурные поступки князя де ла Паз и указывают на его вероломство. Есть намеки и еще на кое-кого из придворных. Оканчивается тем, что наследный принц дон Августин отказывается от женитьбы на донье Петре, невестке Годоя и сестре кардинала.

– И это также хорошо придумано, – сказала маркиза, – и если бы эту пьесу давали на сцене, то я очень бы ей аплодировала. В самом деле, с какой стати вздумали женить Фердинанда на невестке министра? Не лучше ли было бы найти ему жену королевской крови? В таком случае всякая горничная будет метить в принцессы.

– Как это у вас хватает смелости судить о таких серьезных вещах? – с неудовольствием произнес дипломат. – Что же касается названных документов, то я удивляюсь, как такая скромная женщина, как моя племянница, может с такой неосторожностью обнародовать их!

– Как же это, дядюшка, раньше вы сомневались в их существовании, а теперь находите неудобным говорить о них? Значит, вы признаете их достоверность?

– Да, признаю, – ответил дипломат, – как и то, что другая личность разгласила их, когда я решился молчать...

Так как дипломат не в состоянии был отрицать этих тайн, то притворился, что знал их заранее.

– Так что, ты уже знал все это? – спросила его сестра. – Я говорила, что ты не можешь не знать! Истина никогда не ускользнет от тебя, ты способен заметить мошку на горизонте.

⁶ Воспитатель принца Фердинанда.

– К несчастью, да, – ответил дипломат не без самодовольства. – Все достигает моих ушей, хотя я и стараюсь всеми силами быть подальше от дел. Что будешь делать! Терпение – это первая вещь!..

– Брат, ты, верно, знаешь больше, но молчишь, – сказала маркиза. – Скажи нам, принимал ли Наполеон какое-нибудь участие в этом секретном деле?

– Уже начались расспросы! – произнес маркиз с таинственной улыбкой. – Оставьте их, пожалуйста, потому что, клянусь, вы не добьетесь от меня ни одного слова. Вам уже достаточно известен мой сдержанный характер.

А Долорес, между тем, все время сидела молча.

– Но я сейчас кончу мой рассказ, – сказала моя госпожа. – Я еще не сказала о содержании третьей бумаги, найденной у принца Фердинанда.

– И ты лучше сделаешь, если умолчишь о ней, дорогая племянница, – вставил дипломат.

– Нет, говори, говори! – перебила его сестра.

– Нашли шифр и ключ к тайной переписке, которую наследник вел со своим учителем доном Хуаном Эскоиквисом, и потом... это самое главное...

– Да, это самое главное, и поэтому ты должна молчать, – не унимался дипломат.

– Поэтому-то ты и должна говорить!

– Так вот – нашли письмо без подписи и числа, письмо, в котором говорится очень ясно о революции... Принц просит своих партизан поддержать его, заготовить прокламации и потом еще...

– О женщины, женщины! Когда же это они научатся сдержанности! – перебил маркиз. – Я только удивляюсь, племянница, как легко ты рассуждаешь о таких опасных делах!

– В этом письме, – продолжала Амаранта, не обращая ровно никакого внимания на удивление своего дядюшки, – королевская чета и Годой названы также вымышленными именами: Леовижильдо – это Карл IV, королева – Госвинда, Годой – Сисберто. Прекрасно; наследник, обращаясь к своим единомышленникам, говорит, что буря должна разразиться над головами Сисберто и Госвинды, а что Леовижильдо надо осыпать аплодисментами и виватами.

– И это все? – спросила маркиза. – Да ведь все это вполне невинно.

– Но ведь ясно, что тут говорится о свержении Карла IV, – с негодованием ответила Амаранта.

– Для меня это вовсе не ясно.

– Да как же, – продолжала графиня, – буря должна разразиться над головами Сисберто и Госвинды. Это значит, что наследный принц не только хочет свергнуть Годоя, но и готовит что-то ужасное по отношению к своей матери-королеве. Быть может, дело идет о гильотине, на которой сложила свою голову кровавая Мария-Антуанетта. Всем известно, как король любит свою супругу. Самое ничтожное оскорбление ей он примет за личную обиду.

– А я все-таки скажу, что если что и случится, то они вполне заслужили это, – ответила ей маркиза.

– А я утверждаю, – настаивала Амаранта, – что принц мог устраивать заговоры относительно министра Годоя, но писать королю, подвергая подозрению поведение своей матери и проектируя бурю над головами Сисберто и Госвинды, что равносильно покушению на жизнь королевы – это поступок, недостойный испанского принца и христианина... Во всяком случае это его мать, и каковы бы ни были ее ошибки (хотя я уверена, что ей приписывают больше дурного, чем она того заслуживает), сын не имеет права указывать на них, в особенности для того, чтобы подкопаться под своего личного врага.

– Милая, мне кажется, что ты судишь пристрастно, – сказала маркиза Амаранте. – Я думаю, что принц прав, потому что ни для кого не тайна – положение дел при дворе. Брат, ты все знаешь, скажи нам твоё мнение.

– Мое мнение! Неужели вы думаете, что легко высказать своё мнение по этому поводу? И во всяком случае те заключения, которые я мог бы сделать благодаря моей многолетней опытности, неуместно высказывать здесь в присутствии женщин, готовых сию же минуту разболтать все первому встречному.

– Да, от тебя трудно добиться слова. Если бы я знала хоть половину того, что ты знаешь, то я бы поторопилась поделиться со всеми непосвященными.

– А не знает ли кто-нибудь из вас, сеньоры, что думает обо всем этом королева? – спросил дипломат.

– Когда в зале совета было прочтено это письмо, – ответила Амаранта, – то министр Кабальеро сказал, что принца стоит за это расстрелять. Королева возмутилась таким словам и ответила: «Разве вы забыли, что это мой сын? Я разорву приговор о его смерти; он сам жертва обмана, его самого погубили». И, упав в кресло, она горько зарыдала. Вы видите, какое великодушие! Мне лично принц Фердинанд никогда не был симпатичен, но теперь, когда я узнала о его заговоре против родителей, он возбуждает во мне чувство жалости.

– Какой вздор! – воскликнула маркиза. – Теперь начнутся слезы после всяких ошибок. Ничего подобного не было бы, если б не было предосудительных поступков...

Долорес, молчавшая до сих пор, ответила что-то на последние слова маркизы. Тогда Амаранта, обернувшись к ней, произнесла с презрением:

– Очень легко осуждать чужие проступки. Во всяком случае королева не заслужила, чтобы о ее поведении говорили публично в зале совета.

– Однако, какая вы горячая защитница! – ответила Долорес, стараясь под улыбкой скрыть свое негодование. – Впрочем, я этого и ожидала, хотя не могу не сознаться, что некая личность не скроет своих пороков, как бы она ни плакала и ни великодушничала.

– Это правда, – возразила Амаранта, – но, на мой взгляд, худший из всех пороков – это неблагодарность.

– Да, но это такой порок, который труднее всего доказать.

– О нет; иногда это очень легко сделать. В данном случае принц выказал черную неблагодарность. Ты увидишь, что это повлечет за собой наказание.

– Надеюсь, – дерзко произнесла Долорес, – что ты не намерена всех нас посадить в тюрьму?

– Я никого не собираюсь сажать в тюрьму и думаю, что мы, сидящие за этим столом, можем жить совершенно спокойно; но я не вполне поручусь за одну личность, очень любимую кем-то из присутствующих здесь.

– Ах, да, – произнес дипломат не совсем тактично, – я слышал, что Маньяра также замешан в этом деле.

– Думаю, что да, – жестоко ответила Амаранта, – но он очень рассчитывает на поддержку со стороны высокопоставленных лиц. Однако обстоятельства усложняются, и я думаю, что многие пострадают.

– Ты можешь думать все, что тебе угодно, – сказала Долорес, – но ведь подробности этого дела еще не выяснены, и может случиться так, что обвиняемые окажутся впоследствии обвинителями.

– Да... Это ты надеешься на Бонапарта! – с пренебрежением воскликнула Амаранта.

– Тише, тише! – прошептал дипломат. – Ну, можно ли так громко говорить обо всем этом!

– Будет произведено следствие, – продолжала Амаранта, – на котором многое выяснится. Например, до сих пор неизвестно, кто передавал письма принца его соучастникам.

Думают, что это кто-нибудь из придворных дам, и подозрение даже падает на одну интриганку... Но пока нет еще достаточных доказательств.

Долорес не произнесла ни слова, она только улыбнулась, как бы желая доказать, что на нее ни в каком случае не могут пасть подозрения. Затем, желая уколоть свою подругу и врага, она сказала с ядовитой улыбкой:

– Раз эта придворная дама интриганка, то она сумеет спрятать концы в воду и обойти своих преследователей. А мне очень хотелось бы знать, кто это такая. Не можешь ли ты назвать нам ее?

– Пока еще нет, – ответила моя госпожа, – но завтра, вероятно, да.

Долорес расхохоталась. Амаранта перевела разговор на другую тему. Маркиза вся рассыпалась в сожалениях о судьбе принца Фердинанда, а дипломат уверял, что он ни за что на свете не решился бы так свободно высказывать то, что знает. По окончании обеда все разошлись по своим комнатам.

XIV

На следующий день, 30 октября, во дворце было такое же волнение, как и накануне. С самого утра моя госпожа отпустила меня гулять и прибавила, что я могу зайти к отцу Иеронимо, которому она поручила мое обучение. Я был очень рад и тому и другому, и тотчас же отправился осматривать Эскуриал. Первым любопытным зрелищем, которое я увидел, был выезд короля Карла IV на охоту. Меня удивило, что его величество в такое смутное время думает о развлечении. Но, как я потом узнал, наш добрый монарх страстно любил охоту и не мог отказать в ней себе даже в самые трудные минуты своей жизни. Охота была его главной, или, вернее сказать, единственной страстью.

Я видел, как он вышел из северного подъезда в сопровождении двух или трех придворных, как он сел в карету и отправился в горы с таким спокойным видом, как будто во дворце не случилось ровно ничего особенного. Очевидно, это был человек очень спокойного характера и с чистой совестью. И, видя это наружное спокойствие, я чувствовал к этому маститому старику скорее сожаление, чем зависть; сожаление усилилось еще больше, когда я увидел, что народ, собравшийся у дворца, не обращает на своего короля ровно никакого внимания. Мне даже показалось, что вслед ему раздалось несколько бранных слов.

Затем я прошелся по нижним галереям дворца и по верхним, видел многих членов королевской семьи и заметил, что характерной чертой лиц Бурбонов были длинные носы.

Первого я увидел Луиса Бурбона, кардинала де ла Эскала. Это не был старик, увенчанный сединой, на лице которого видны следы трудной умственной работы. Я увидел перед собою совсем молодого человека, которому не было и тридцати лет. В эти годы наши духовные светила: Лоренцана, Альборнос, Мендоца Силичео, – еще не выходили из семинарии.

Правда, что у нас кардинальскую мантию дают младшим принцам царствующего дома, не имеющим надежды сделаться королями, в очень раннем возрасте. Дон Луис Бурбон, как двоюродный брат короля Карла IV, в данном случае был счастливее других. У него не обсохло еще молоко на губах, когда ему была предоставлена митра Севильи, а в двадцать три года он был уже назначен кардиналом Толедо.

Против обычая страны ничего не поделаешь, и несправедливо было бы обвинять инфанта в том, что он принял то, что ему дали. Его преосвященство вышел из кареты у подъезда дворца. Лицо его с крупным фамильным носом не показалось мне выразительным, и если бы не кардинальская мантия молодого человека, то никто не обратил бы на него никакого внимания. Луис Бурбон торопливо поднялся по лестнице, и больше я его не видел.

Но в этот день мне, очевидно, светила счастливая звезда, так как удалось увидеть всех членов королевской семьи. Я увидел инфанта дона Карлоса, второго сына короля. Этому

молодому человеку не было еще и двадцати лет, и его лицо мне более понравилось, чем лицо его старшего брата, принца Фердинанда. Я внимательно смотрел на него, и в мою память врезались его быстрые, живые глаза и веселое выражение лица. С годами он очень переменился и характером, и лицом.

В этот же вечер я видел в саду инфанта дона Франциско де Пауло, совсем еще ребенка; он играл с Амарантой и с другими придворными дамами. Он весело скакал на палочке верхом, и я, глядя на него, хохотал вопреки требованиям всякого этикета.

Прежде чем спуститься в сад, я обратил внимание на сухие удары молотка и нежные звуки итальянской волынки. Когда я спросил, что это за звуки, мне ответили, что они доносятся из мастерской дона Антонио Паскуаля, младшего брата Карла IV. Тут я узнал, что этот инфант отличается большим трудолюбием, занимается мелкой столярной работой, переплетом книг и игрой на волынке. Когда я выразил удивление по этому поводу, мне сказали, что это не первый случай трудолюбия в королевской семье, так как покойный инфант дон Габриэль отличался еще большей любовью к ремеслам и искусствам.

Когда знаменитый столяр и музыкант выходил из своей мастерской, я видел его, и лицо его показалось мне необыкновенно добродушным. У него была привычка раскланиваться со всеми со спокойной любезностью, и я также удостоился его поклона, к моему великому счастью.

Все известно, что дон Антонио Паскуаль, прославившийся впоследствии исследованием долины Иосафата, казался олицетворением доброты. В то время он был далеко уже не молодым человеком, и черты его лица показались мне выразительнее, чем у кого-либо из членов королевского дома. Позднее я понял, как глубоко ошибался, доверяя этой кажущейся доброте. Королева Мария-Луиза называла его жестоким и в одном из своих писем говорила, что это заклятый враг королевской партии.

Дон Антонио Паскуаль, равно как и его племянник инфант дон Карлос, были сторонниками принца Фердинанда и глубоко ненавидели министра Годоя, хотя это последнее вполне понятно, так как все члены королевской семьи относились к Годое с ненавистью.

Но перехожу к описанию событий. Арестованный принц, узнав, что король выехал на охоту, отправил посланного к королеве, умоляя ее прийти к нему в комнату и выслушать его важные признания. Мать отказалась, но послала министра Кабальеро, который и узнал из уст принца то, что я хочу здесь описать.

Не следует думать, что это положение дел было известно всем в Эскуриале. Я лично узнал многое от Амаранты, потому что она рассказывала все своему дядюшке дипломату и старой маркизе. Они считали меня почти ребенком и не находили нужным скрывать от меня текущие события.

Со слов Амаранты все лица королевской семьи были удивлены и взволнованы, так как в последних своих признаниях принц Фердинанд открыл, что на стороне заговорщиков был сам Наполеон, войска которого уже приближаются к Мадриду, чтобы принять участие в восстании. Принц открыл также своих соучастников, называя их «коварными подстрекателями»; он утверждал, что не задумывал никакого злоумышления на жизнь самой королевы.

Все эти подробности, разумеется, я не мог запомнить и узнал их позднее из исторических документов, относящихся к тому смутному времени. Помню только, что Амаранта находила поведение принца Фердинанда недостойным, потому что он открыл своих соучастников, а старая маркиза заступалась за него.

Еще не совсем стемнело, когда король вернулся с охоты, а часа полтора спустя внизу раздался говор, и разнеслась весть о приезде первого министра. Я выбежал на главный двор, но уже не застал его, так как он, торопливо выйдя из кареты, быстро поднялся по лестнице. Я успел только рассмотреть его высокую фигуру, старательно закутанную плащом, но лица не видал.

– Это он, – сказал кто-то из слуг, встречавших его.

– Кто? – с любопытством спросил я.

Тогда поваренок королевской кухни, с которым я познакомился, потому что он отпускал мне обед, наклонился к моему уху и чуть слышно прошептал:

– Выскачка!..

XV

Продолжая разговор с поваренком, я старался выведать у него, как смотрят слуги на все происшедшее. К счастью, наступало время ужина, и мы спустились с ним в кухни, помещавшиеся в нижнем этаже дворца.

Трудно было встретить таких горячих патриотов, как повара королевской кухни. Это были по большей части люди положительные, и в их руках, или, вернее, в их кастрюлях, находилось здоровье, если не жизнь испанских королей. Все были до крайности заинтересованы судьбой бывшего водовоза фонтана дель Барро, сделавшегося слугой и любимцем принца Фердинанда. Этот Педро Кольядо, заслуживший расположение наследника престола, был теперь внутренним шпионом. Он постоянно все подслушивал и подглядывал; повара, поварята и лакей стали очень его побаиваться и не смели ослушаться его приказаний.

Когда Педро Кольядо спускался в людскую с веселым лицом, то все сразу расцветали; когда же он спускался мрачный и пасмурный, все притихали и ходили на цыпочках. Когда кто-нибудь впадал в немилость бывшего водовоза, то был уверен, что немедленно получит расчет; если же кто-либо нравился ему и удостаивался служить предметом его шуток, тот мог надеяться на быстрое повышение.

Этот вечер был полон впечатлений для меня, потому что я присутствовал при аресте Педро Кольядо, против которого оказалось немало улик. Любимец принца рассказывал двум-трем слугам, к которым он благоволил, о событиях этого дня, когда пришел альгвазил с несколькими жандармами и арестовал его. Бывший водовоз не выказал никакого сопротивления и, только слегка сдвинув брови, пошел за жандармами. Его посадили в отделение королевской тюрьмы, так как из-за своего низкого происхождения он не мог сидеть в главной тюрьме, где уже посажены были инфант дон Карлос и Антонио Паскуаль.

Арест Педро Кольядо произвел на всех тяжелое впечатление; все сразу примолкли. Но как на войне солдаты приободряются при возгласе полководца, так и в кухне все встрепенулись, когда голос сверху крикнул:

– Ужин сеньора инфанта дона Антонио Паскуаля!

В ту же минуту несколько блюд со вкусными кушаньями были поданы слугам инфанта. Затем снова раздался возглас:

– Бульон и выпускную яичницу для сеньоры инфанты доньи Марии-Жозефы!

Бульон и яичница тотчас же были поданы. А сверху раздался новый голос:

– Шоколад сеньора инфанта дона Франциско де Пауло!

Когда это приказание было исполнено, старший повар торжественно произнес:

– А готов ли жареный цыпленок для его преосвященства сеньора кардинала?

И цыпленок был передан слуге архиепископа. Наконец, распорядитель королевского стола в мундире, обшитом блестящими галунами, показался в дверях кухни и крикнул резким голосом:

– Ужин его величества короля!

Интересно было видеть всю эту массу блюд, ежедневно подаваемых Карлу IV, аппетит которого особенно обострялся после охоты. Я не мог оторвать глаз от всех этих вкусных кушаний; их аромат пробуждал мой аппетит. Тогда мой друг, поваренок, подошел ко мне и сказал:

– Подожди, Габриэлильо, мы попробуем эти блюда! Король любит, чтобы весь стол был заставлен кушаньями, но он ест от каждого понемножку. Некоторые блюда так и возвращаются нетронутыми. Я сейчас приготовлю мороженое.

– Кто же это довольствуется мороженым?

– Король, – ответил он мне, – после ужина каждый раз требует мороженое; он берет ломтик хлеба, обрезает корочку, макает мякиш в мороженое и так кушает. Это его единственное пирожное.

Довольно много времени прошло после ужина короля, когда попросили ужин для королевы. Мне показалось это до того странным, что я спросил моего друга, почему это король и королева ужинают врозь со своими детьми.

– Молчи, глупый, – ответил он. – В каждой семье отцы и дети обедают за одним столом, но здесь нет. Разве ты не понимаешь, что это было бы не по этикету? Инфанты обедают каждый в своей комнате, а его величество король в своей, и ему служат гвардейцы. Только одна королева могла бы обедать с ним, но ты ведь знаешь, что она обедает всегда одна, а почему – я не скажу.

– Нет, скажи мне, пожалуйста! Не потому ли, что с ней обедает одна личность?

– Вовсе нет; она ни при ком не ест.

– Даже при придворных дамах?

– Только камеристка, которая служит у ее стола, видит, как она ест. Ну, так и быть, я уж открою тебе эту тайну, – прибавил он, понизив голос. – Ты заметил, какие у королевы красивые, белые зубы, когда она смеется? Ну, так вот: они фальшивые; когда она ест, она вынимает их и не хочет, чтоб другие это видели.

– Вот так штука!

Слова поваренка были справедливы, как я потом узнал. В то время еще не было таких искусных дантистов, как теперь, и вставными зубами трудно было перетирать пищу.

– Видишь, – продолжал поваренок, – насколько справедливы те, кто порицает королеву. Могут ли подданные любить своих королей, когда у них даже зубы фальшивые?

Я, конечно, не мог согласиться с тем, что для хорошего управления страной необходимы здоровые и крепкие зубы, но ничего не возразил моему товарищу.

Затем потребовали ужин для его светлости князя де ла Паз и членов государственного совета. Скоро должны были подать ужин моей госпоже, и я поднялся наверх, полный радостной надежды, что она позовет меня и будет продолжать свой интересный рассказ. Но, к моему великому сожалению, Амаранта отложила его до следующего дня, сославшись на спешные письма.

Несмотря на то что мне было очень хорошо во дворце, ложась спать, я почувствовал грусть. Моя милая Инезилья припомнилась мне, и ее скромное, милое личико нисколько не теряло в сравнении с классической красотой Амаранты.

XVI

На следующий вечер моя госпожа позвала меня к себе в комнату. Она была в том же светлом, свободном пеньюаре и, указав мне на низенький табурет у ее ног, велела сесть.

– Теперь я посмотрю, Габриэль, – начала она, – могу ли я положиться на тебя. Посмотрим, окажешься ли ты на высоте составленного мною о тебе мнения.

– И вы могли сомневаться в этом, сеньора! – изумился я. – Я никогда не забуду ваших слов о том, что люди, не более меня способные, достигли высоких ступеней общественной лестницы...

– Ах, бедняжка! – произнесла она, смеясь. – Ты таки наделен порядочным честолубием. История, которую я тебе рассказывала в тот вечер, не должна служить тебе примером, Габриэль. Я еще немного прочла и теперь могу продолжать.

– Вы остановились на том, сеньора, как молодой янычар, которого султанша сделала великим визирем, оплатил черной неблагодарностью своей благодетельнице.

– Ну, прекрасно; дальше я прочла, что султанша очень раскаялась в своей слабости и что молодого янычара народ ненавидел все больше и больше. Султан по-прежнему ничего не замечал и не понимал, почему это страдают его подданные. Но она, как женщина далеко не глупая, видела, как над государством сгущаются темные тучи. Придворный дамы не раз заставляли ее в слезах. С одной из них она была особенно близка и призналась ей в сделанных ошибках. Но исправить их уже не было никакой возможности; недовольство народа возрастало с каждым днем. Составился огромный заговор, во главе которого был старший сын султана. Было решено, что, лишив жизни султана и султаншу, принц взойдет на престол...

– А что же делал в это время великий визирь?

– Великий визирь, как человек непредусмотрительный, не знал, какой стороны ему держаться. Все стали возлагать свои надежды на великого Тамерлана, известного неустрашимого завоевателя, который послал свои войска завладеть одним маленьким королевством, лежавшим рядом с большим государством, о котором я тебе рассказываю. В Тамерлане видели своего спасителя и отец, и сын, и султанша, и великий визирь; но так как знаменитый полководец не мог угодить им всем сразу, то понятно, что кто-нибудь из них обманулся в своих ожиданиях.

– Кому же из них помог Тамерлан?

– Об этом говорится в конце рассказа, а я его еще не дочитала, – ответила Амаранта. – Но думаю, что я скоро узнаю конец и расскажу тебе его.

– А я говорю и повторяю, – сказал я, – что если б великий визирь хорошо управлял народом, как одна личность, которую я знаю, то ничего этого не случилось бы. Надо управлять страной по-божески, наказывая дурных и вознаграждая хороших, тогда не было бы подобных несчастий.

– Но пока это нас не особенно касается, мы перейдем к нашим делам, – возразила она.

– О, да, сеньора! – пылко ответил я. – Какое нам дело до всех государств мира! О, сеньора, если б вы только знали, как я преклоняюсь перед вашим умом, перед вашей красотой! Вы моя богиня, я обожаю вас! Я не в силах не признаться вам в этом, хотя бы вы прогнали меня!..

Амаранта рассмеялась над моим неожиданным объяснением в любви и сказала:

– Хорошо, мне нравится твоя откровенность. Вижу, что я могу рассчитывать на тебя. Недаром Пепа говорила мне, что ты очень наблюдателен. Мне кажется, что ты превосходно запоминаешь лица, предметы, фразы, особенно фразы, и если захочешь, то можешь дословно передать их. Все это в связи с твоей скромностью очень хорошо. Если к этому прибавить еще и то, что ты готов многим пожертвовать ради меня и что ты никому не разболтаешь о твоих обязанностях у меня, то...

– Я, разболтать, сеньора!.. Да я не признаюсь в этом моей собственной тени, ни моим родным, если б они у меня были, ни даже Богу...

– К тому же, – прибавила она, устремив на меня свои чудные глаза, – ты умеешь быть скрытным.

– Артистически, – похвалился я.

– И наблюдательным, и можешь многое разузнать, не возбуждая подозрений.

– Совершенно верно.

– В таком случае первое, что ты должен сделать, вернувшись в Мадрид, – это поступить опять к твоей прежней госпоже.

– Как! К моей прежней госпоже?

– Глупый, я вовсе не хочу этим сказать, что ты перестанешь мне служить. Наоборот, ты каждый вечер будешь приходить в один дом на свидание со мною. Ты будешь моим слугой, но так, чтобы этого никто не знал, и я тебя щедро вознагражу за это.

– Так что, я буду служить у актрисы, чтобы...

– Чтобы отвлечь подозрения.

– О, превосходно! Теперь я понимаю. Таким образом никто не может доказать...

– Именно. А в доме твоей госпожи ты с большим вниманием будешь следить за тем, что происходит, кто бывает у нее днем и вечером, словом, за всем.

– А для чего это? – спросил я наивно, не понимая, к чему ей понадобилось сделать из меня шпиона.

– Это тебя не касается, – ответила она. – А в особенности, и это самое главное, ты будешь следить в театре за Исидоро Маиквесом. Если он попросит тебя передать любовную записочку твоей госпоже, то ты первым делом принесешь ее мне, и затем уже, узнав, в чем дело, я тебе ее верну.

Эти слова изумили меня. В первую минуту я даже не понял их таинственного смысла.

– Теперь слушай хорошенько вот что, – продолжала она, – Долорес продолжает свои отношения с Исидоро, хотя любит другого, и я знаю, что по возвращении в Мадрид у нее назначено свидание с ним в доме Пепы Гонзалес. Ты будешь следить за всем, что между ними происходит, и если тебе удастся заслужить их доверие и передавать их письма, то ты тотчас же скажешь мне все это. Ты мне окажешь этим большую услугу, в которой не раскаешься.

– Но... но... право, я не знаю, сумею ли я... – произнес я в сильном смущении.

– Это очень легко. Ты каждый вечер бываешь в театре. Постарайся быть предупредительным с герцогиней, послужи ей чем-нибудь и дай понять Исидоро, что ты расположен к нему и готов исполнять его поручения; тогда оба они выберут тебя своим поверенным. А раз в твоих руках очутится любовное письмо, то ты принесешь его мне, вот и все.

– Сеньора! – воскликнул я вне себя от удивления. – То, что вы требуете от меня, очень трудно исполнить.

– Вот как! Мне это нравится! А что же значат твои слова: «Вы моя богиня, я обожаю вас»? Да что с тобой, наконец? Это далеко не все, чего я от тебя потребую. Дальше ты узнаешь об остальном. Если ты не можешь повиноваться мне в таких пустяках, то как же ты хочешь, чтоб я сделала из тебя могущественного человека?

Я уже начинал думать после этих слов, что роль, данная мне Амарантой, вовсе уж не так низка, как мне сначала показалось; я попросил ее только дать мне некоторые разъяснения по этому поводу, что она и исполнила с удовольствием. В сущности, ведь я по собственной воле шел на все это, следовательно, отступать теперь было бы неудобно и оставалось покоряться.

– Но разве вы не находите, сеньора, – спросил я ее, – что подобные поручения могут унижить человека, которого ждет в будущем блестящее положение?

– Ты не понимаешь, что говоришь, – ответила она, покачивая головою. – Наоборот, то, чего я от тебя требую, научит тебя жизненному опыту. Шпионство сделает тебя только более ловким и изворотливым. Подумал ли ты о том, что невозможно достигнуть высокого положения, не принимая участия в мелких интригах и не изучая людей?

– Но, сеньора, это такая страшная школа.

– Но в то же время очень полезная. Не говорил ли ты мне, что ты очень честолюбив?

– Да, сеньора.

– В таком случае, ты можешь попасть во дворец только той дорогой, какую я тебе указываю. Если ты хорошо исполнишь возложенное мною на тебя поручение, то ты вернешься ко мне, и я сделаю тебя моим пажом. Я почти всегда живу во дворце, и у тебя будет случай

выказать себя. Паж вхож почти всюду; он должен быть любезен и с фрейлинами, и с придворными дамами, и с камеристками, поэтому ему легко узнать много тайн. Паж, умеющий наблюдать и молчать, немаловажное лицо при дворе, в особенности если он обладает привлекательной наружностью.

Эти доводы так смутили меня, что я не нашелся, что возразить. Она продолжала:

– Ведь много людей, которых ты видишь здесь, начали свою карьеру с должности пажа. Пажом был маркиз Кабальеро, теперешний министр юстиции, и многие другие. Я постараюсь выхлопотать тебе дворянский паспорт, чтобы ты мог поступить в число гвардейцев, состоящих при особе его величества. Паж может за драпировкой подслушать интересный разговор, паж может передавать важные письма, паж может от камеристки узнать серьезные тайны, а придворный гвардеец может сделать гораздо больше, потому что он по положению выше пажа. Из придворной жизни ты, конечно, извлечешь огромную пользу. Наши статс-дамы очень болтливы; подслушав разговор одной, ты можешь передать его другой, но в той окраске, какая тебе понравится. Король знает только один дворец, а ловкий придворный гвардеец знает, кроме дворца, и город, и улицу; бывая всюду, он все видит, все слышит, все взвешивает, и если это человек умный, то его влияние при дворе неограниченно.

– Сеньора! – воскликнул я. – Как все это далеко от того, что я представлял себе!

– Тебе, быть может, все это покажется предосудительным, но так ведется испокон веков, и все к этому привыкли, – ответила с улыбкой Амаранта.

– Ах, я должен признаться, – продолжал я, – что мое пылкое воображение рисовало мне безумные надежды, но виною этому, конечно, моя молодость. Я слышал так много толков о том, что в жизни повезло далеко не умным людям, что я сказал себе: «Вероятно, только глупые и счастливы на свете». И в то же время меня не покидала мысль, что если другие могут добиться почестей и славы, то почему же я не могу это сделать. Но я всегда мечтал быть честным министром, заботиться о благе народа. Мне казалось, что если я полюблю какую-нибудь придворную даму, то я затаю эту страсть в глубине моего сердца и готов буду верхом скакать отсюда в Аранхуэс, чтобы привезти ей розу. Я мечтал погубить врагов короля и многое в этом роде.

– О, эти времена прошли, – засмеялась Амаранта. – Я вижу, что у тебя возвышенные стремления, но теперь они неуместны. Твоя щепетильность рассеется, когда ты две недели проживешь здесь. Кроме того, ты мог бы сделать много добра твоим близким.

– Каким образом?

– О, очень легким! Моя горничная на этой неделе устроила на выгодных местах двух каноников.

– Как? – спросил я с необыкновенным удивлением. – Значить, слуги могут раздавать места?

– Нет, глупенький, их раздает министр. Но как может министр не исполнить моей просьбы, и как я могу не исполнить просьбы горничной, которая меня так хорошо причесывает?

– Один мой друг вот уже четырнадцать лет ждет хоть какого-нибудь жалкого прихода и до сих пор не может дожидаться, – сказал я.

– Скажи мне его имя, и я докажу тебе, что ты и теперь уже влиятельный человек.

Я назвал Челестино дель Мальвара и объяснил, какого места он добивается. Она записала и то и другое.

– Вот взгляни, – сказала она, показывая мне целую кучу писем. – Это все просьбы, которые я должна исполнить. Ведь просители воображают, что министры способны на что-нибудь дельное, а в сущности они умеют только брать жалованье. Они не более чем машины или манекены, и для того чтоб заставить их что-нибудь сделать, надо уметь управлять известной, невидимой для публики пружинной.

– А разве князь де ла Паз не могущественнее самого короля?

– Да, но не так могуществен, как это воображают. Всем тем, что Годой имеет, он обязан не своим личным заслугам. Никогда не доверяй наружному величию. Могущество Годоя держится на шелковых вожжах, которые легко могут перерезать ножницы женщины. Когда Иовельянос хотел проникнуть во дворец, мы по всем углам наплели такую искусную шелковую паутину, что он запутался и упал.

– Сеньора, – произнес я, – меня очень пугает все высказанное вами, я боюсь споткнуться...

– Я знаю, что ты способен преодолеть все препятствия, – ответила она мне. – Упражняйся на том поручении, которое я тебе дала; затем я дам новое. Ты постарайся войти в милость к другой статс-даме; ты сделаешь вид, что тебе надоело служить у меня, поступишь к ней, а я в твоём паспорте напишу, что увольняю тебя. В её присутствии ты будешь иногда дурно отзываться обо мне, чтоб отклонить всякие подозрения, а между тем будешь зорко следить за всеми её поступками и обо всем доносить мне, твоей настоящей госпоже и покровительнице.

Я не в силах был долее выслушивать спокойно весь этот проект низких интриг, в которых, по-видимому, так опытна была моя госпожа, чего я до сих пор не мог подозревать. Какой-то тайный голос шептал мне, что подобная служба отвратительна, унижительна. Кровь бросилась мне в лицо; я встал и дрожащим от волнения и негодования голосом сказал графине, что я положительно не считаю себя способным на такие трудные поручения. Она засмеялась и сказала мне:

– Сегодня вечером, хотя уж и довольно поздно, в этой комнате произойдет свидание двух лиц, недавно поссорившихся между собою, и которых я хочу примирить. Они будут говорить наедине, и поэтому ты спрячешься за драпировку, отделяющую мой альков, и все подслушаешь, чтобы потом передать мне.

– Сеньора, – сказал я, – у меня страшно разболелась голова, и я был бы вам очень признателен, если бы вы позволили мне удалиться в мою комнату.

– Нет, – ответила она, взглянув на часы, – потому что мне сейчас надо пойти по делу, и ты должен ждать здесь. Я скоро вернусь.

Сказав это, она позвала свою горничную и велела ей принести мантилью; та принесла две; они обе оделись и торопливо ушли, оставив меня одного.

XVII

Трудно описать мое тогдашнее состояние. Внутренний холод оковал мои члены. Идеальный образ Амаранты, так глубоко овладевший моим воображением, начал тускнеть и бледнеть. Амаранта не только коварная интриганка, но это сама ходячая интрига, это какой-то злой гений дворца, это тот инструмент или механизм, которым можно завести и министров, и королей, и войска, и народ. И это при всей её красоте! А она неоспоримо хороша, обворожительна, восхитительна!

При этой мысли что-то кольнуло меня в сердце. Мне больно было разочаровываться. Но именно эта красота теперь и пугала меня.

– Ни одного дня больше не останусь я здесь; меня душит эта атмосфера и пугают эти люди! – воскликнул я громко и стал в волнении ходить по комнате.

В эту минуту из-за дверей до моего слуха долетел шелест платья и шепот женских голосов. Я подумал, что это вернулась моя госпожа. Дверь отворилась, и в комнату вошла сеньора, но это не была Амаранта.

Эта женщина с умным и оживленным лицом подошла ко мне и с удивлением спросила:

– А Амаранта?

– Ее нет, – резко ответил я.

– Разве она не скоро вернется? – спросила она с недоумением, так как, очевидно, ожидала застать здесь мою госпожу.

– Этого я не могу вам сказать, хотя, кажется... Да, теперь я припоминаю, она скоро вернется, – ответил я в крайне дурном расположении духа.

Сеньора села, не говоря ни слова. Я также сел и опустил голову на руки. Моя нелюбезность не должна показаться странной читателю, потому что в ту минуту я глубоко ненавидел всех придворных и твердо решил уйти от Амаранты.

Сеньора, подождав несколько времени, горделиво спросила меня:

– Ты знаешь, где Амаранта?

– Я уже сказал, что нет, – ответил я с необыкновенной развязностью. – С какой стати буду я вмешиваться в то, что меня не касается?

– Ступай и найди ее, – сказала она, менее удивленная моим поведением, чем я этого ожидал.

– Я вовсе не желаю никого отыскивать. У меня только одно желание – уйти домой.

Я просто не помнил себя от негодования и гнева, этим только и можно объяснить мои резкие ответы.

– Разве ты не слуга Амаранты?

– И да, и нет... Потому что...

– Она обыкновенно не выходит в эти часы. Найди ее и попроси немедленно прийти сюда, – с беспокойством произнесла она.

– Я уже сказал, что я не хочу идти и не пойду, потому что я не слуга графини, – ответил я ей. – Я отправляюсь домой, в Мадрид. Вам надо поговорить с моей госпожой? Ну, так поищите ее во дворце. Вы думаете, я какой-нибудь сыщик, что ли?

Сеньора, очевидно, была возмущена моей невежливостью. Она была так удивлена подобным разговором, что встала с намерением позвонить. В эту минуту я в первый раз взглянул на нее внимательно.

Она была скорее стара, чем молода; как я потом узнал, ей было сорок восемь лет, но на вид, благодаря изящной прическе и костюму, гораздо меньше. Среднего роста и худощавая, она имела величественную и в то же время грациозную походку. Ее лицо не было особенно интересно, но оживлялось красивыми, быстрыми, черными глазами; углы рта уже опустились, как у пожилых женщин, но открывали два ряда белых, правильных зубов. Красивее всего были белые, тонкие руки, уцелевшие, как доказательство былой красоты. В одежде не видно было особенной роскоши.

Как я уже сказал, она встала, чтоб позвонить, но она не успела еще сделать этого, как дверь отворилась, и вошла моя госпожа. Гостья радостно встретила ее, и обо мне вспомнили только для того, чтоб выслать меня из комнаты. Я вышел в следующую комнату с намерением направиться в мою, но шелест отодвигаемой мною драпировки напомнил мне о приказании Амаранты подслушать разговор. Я остановился; тяжелая драпировка совсем закрыла меня, и я мог расслышать каждое слово.

В первую минуту мне казалось недостойным стоять здесь, и я хотел уйти, но любопытство пересилило. В человеческой натуре есть такие дурные инстинкты, с которыми трудно бороться. К тому же я был так настроен против моей госпожи, что хотел раньше всего испробовать на ней ту самую методу, которую она рекомендовала мне практиковать на других.

– Ведь вы велели мне подслушивать? Вот я и исполняю ваше приказание! – со злостью шептал я про себя, мысленно обращаясь к моей госпоже.

Незнакомая мне сеньора стала горько жаловаться на что-то, и мне даже показалось, что она плакала. Затем, повысив голос, она произнесла:

– Но необходимо, чтобы Долорес не принимала в этом никакого участия.

– Очень трудно будет избежать ее, потому что я убедилась, что это она передавала письма, – ответила Амаранта.

– Но во всяком случае этого необходимо избежать, – продолжала сеньора. – Долорес не должна ни в чем фигурировать и не должна давать показаний. Я не решаюсь сказать это Кабальеро, но ты могла бы тонко намекнуть ему.

– Долорес наш заклятый враг, – сказала Амаранта. – Весь этот процесс принца был ей очень по душе, потому что она могла повредить нам. На какую низость она способна! Она не задумается оклеветать свою благодетельницу и в то же время очень мила со мною, хотя и распускает на мой счет ужасные слухи.

– Она болтает о твоём прошлом. Ты сделала большую ошибку, доверив ей лет пятнадцать тому назад тайну, которой никто не знал.

– Это правда, – задумчиво произнесла Амаранта.

– Но нечего огорчаться, моя милая, – прибавила сеньора. – Нам приписывают такую массу ошибок, и самых ужасных, что в сравнении с ними наши действительные ошибки просто ничтожны, и мы должны успокаиваться этим сознанием. Я опять повторю, что Долорес не должна фигурировать в этом процессе. Предупреди Кабальеро; завтра ее могут арестовать, и если ее будут допрашивать, то она может показать против меня ужасные вещи. Это меня просто приводит в отчаяние, я знаю ее коварство; она способна на многое дурное.

– Она знает многие тайны, и даже, кажется, в ее руках имеются некоторые компрометирующие письма.

– Да, – возбужденно ответила сеньора. – Зачем ты напоминаешь мне об этом!

– В таком случае, как мне это ни неприятно, я скажу Кабальеро, чтоб он не впутывал ее в процесс. Она вчера вот в этой самой комнате хвалилась, что ее не арестуют.

– У нас еще будет случай наказать ее... А пока пусть она будет свободна. Ах, как я наказана за мою непредусмотрительность! Как могла я доверяться ей! Как я не разглядела под ее наружной любезностью ее коварства и непостоянства? Но она так охотно исполняла мое малейшее желание, что окончательно покорила мое сердце. Я помню, как раз вечером, пять лет тому назад, во время нашего кратковременного пребывания в Мадриде, мы втроем вышли из дворца. Впоследствии я узнала, что она открыла одной личности, куда я хожу, и он видел меня там... Мы ничего не подозревали, мы не знали, что Долорес продала нас. Мои глаза открылись гораздо позднее.

– Этот глупый и надменный Маньяра положительно свел ее с ума, – сказала моя госпожа.

– Ах, ты не знаешь, ведь этот негодяй хвастался среди гвардейцев, что я влюблена в него, но что он не отвечает мне на мое чувство! Как тебе это понравится? Я не только никогда не думала об этом человеке, я, кажется, даже и не взглянула на него ни разу. Ах, Амаранта, ты еще молода и в полном блеске красоты, пусть это тебе послужит уроком. За каждую ошибку, сделанную нами в жизни, нам оплачивают тем, что приписывают нам десятки проступков, о которых мы никогда и не помышляли. И мы не имеем сил бороться, потому что клевета всегда сильнее истины, особенно если она исходит из уст наших собственных детей.

По звукам ее дрожавшего голоса мне показалось, что она плакала. После непродолжительного молчания Амаранта продолжала разговор:

– Этот глупый Маньяра, который может говорить только о лошадях да о бое быков, имел честь победить сердце Долорес... Это он повлиял на то, что она сделалась сторонницей принца, и он при ее посредстве передавал тайную корреспонденцию.

– Но разве ты не говорила мне, что Долорес в близких отношениях с Исидоро Майквесом? – с живостью спросила незнакомая мне сеньора.

– Да, – ответила Амаранта, – но это была не любовь, а скорее увлечение, во время которого Маньяра был ей по-прежнему близок... Долорес просто для препровождения времени

играла с Исидоро, а он сильно увлекся ей. Потешаться над бедным актером доставляет ей большое удовольствие.

– А не думаешь ли ты, что можно воспользоваться этой двойной игрой в любовь?

– Да, конечно! Долорес и Исидоро видятся в доме актрисы Гонзалес и в театре.

– Ты могла бы устроить так, чтоб Маньяра их открыл, и таким образом...

– Нет, мой план еще лучше. При чем тут Маньяра? Я хочу добыть письмо Долорес к тому или другому из ее возлюбленных, чтобы передать его в руки ее мужа, этого отсутствующего сеньора, который не замедлит восстановить порядок в своем доме.

– Несомненно. Что же ты думаешь сделать?

– А это смотря по обстоятельствам. Мы скоро вернемся в Мадрид, потому что в доме маркизы назначен спектакль – будет дан «Отелло». Долорес играет роль Дездемоны, а Исидоро ее мужа.

– Когда же назначен спектакль?

– Он отложен, потому что не находится желающего играть одну неблагодарную роль, но я думаю, что этот актер найдется, и спектакль не замедлит состояться. Герцог, муж Долорес, обещал непременно присутствовать. Раз все эти личности будут вместе, то это значительно облегчит мне мой план наказать Долорес по заслугам.

– О да! Сделай это ради Бога! Ее неблагодарность не достойна прощения. Ты знаешь ли, ведь это она обвинила меня в том, что я покушалась на жизнь Иовельяноса?

– Да, я это знала.

– Видишь, какое коварство! – воскликнула сеньора дрожавшим от волнения голосом. – Правда, что я ненавижу этого педанта, позволившего себе давать наставления тому, кто в них вовсе не нуждался, но ведь его посадили в крепость Бельвю, и, по-моему, этого совершенно достаточно; мысль о преступлении никогда даже не приходила мне в голову.

– А Долорес так упорно настаивала на отраве, что все этому верили, – сказала Амаранта. – Ах, сеньора, надо строго наказать эту женщину!

– Да, но не впутывая ее в процесс, так как это повредило бы мне. Мануэль Годой предупредил меня сегодня вечером об этом, и необходимо сделать так, как он говорить. С своей стороны Мануэль старается вредить ей, чем может. Как только он узнал о клевете, распускаемой ею на мой счет, он тотчас же отставил от должностей всех лиц, рекомендованных ею. Это выражение преданности с его стороны меня тронуло.

– Недурно было бы, если б и Маньяра почувствовал на себе железную руку генералиссимуса.

– О да! Мануэль обещал мне найти случай, чтобы заставить его выйти из полка, как тех двух гвардейцев, которые узнали нас, когда мы с ним гуляли в окрестностях Сантьяго. О, Мануэль неумолим! С тех пор, как мы помирились при твоём посредничестве, его нежность ко мне безгранична. Нет, не существует другого человека, который так хорошо понимал бы мой характер, как он; и, кроме того, он умеет удивительно ценить людей и не податлив на просьбы. Теперь как раз мы ссоримся с ним, потому что он не хочет дать мне митру.

– Это по рекомендации капеллана?

– Нет, это для дяди Грегорили, молочной сестры маленького⁷. Видишь ли, она вбила себе в голову, что ее дядя должен во что бы то ни стало сделаться епископом, и я не вижу причин, почему бы ему и не быть им.

– А сеньор Годой не хочет?

– Да; он говорит, что дядя Грегорили был контрабандистом и что он человек необразованный. Конечно, он отчасти прав, потому что мой кандидат вовсе не подготовлен к

⁷ Имеется в виду дон Франциско де Паула.

духовной карьере, но, милая, разве мы не видим примеров? Мой кузен⁸ не имеет никакого понятия о латинском языке, а ведь его же сделали кардиналом?

– Но эту должность ему может дать Кабальеро, – сказала Амаранта. – Разве он отказывается?

– Кабальеро, нет, – засмеялась сеньора, – ты ведь знаешь, что он делает только то, что мы ему прикажем, и готов утвердить членом государственного совета какого-нибудь тореедора. Он прекрасный человек и очень послушный министр.

– В таком случае он именно и мог бы дать митру дяде Грегориљи.

– Нет, Мануэль не хочет этого. Но я нашла способ заставить его сдаться. И знаешь – какой? На этих днях в Фонтенебло решится тайный договор с Наполеоном. По этому договору Мануэль будет королем Альгарбских провинций, но мы еще не утвердили этого раздела Португалии, и я сказала ему: «Если ты не сделаешь епископом дядю Грегориљи, то ты не будешь королем Альгарбы». Он много смеялся над этим ультиматумом, но в конце концов ты увидишь, что он мне уступит.

– О, тогда он сделает и еще больше! Но разве он не знает, что партия принца с каждым днем становится все сильнее и сильнее?

– Ах, Мануэль очень огорчен этими слухами, – грустно произнесла сеньора, – он говорит, что это не кончится добром, и предвидит что-то ужасное. Не раз он признавался мне: «Я сделал много ошибок, и приближается время расплаты». Но как он добр! Поверишь ли, он оправдывает моего сына и говорит, что он просто жертва наглого обмана окружающих его честолюбцев. Мое материнское сердце обливается кровью, но я не могу отрицать виновности моего сына и должна сознаться, что он поступает недостойно.

– А сеньор Годой надеется преодолеть все эти препятствия? – спросила Амаранта.

– Не знаю, – грустно ответила ее собеседница. – Как я уже тебе сказала, Мануэль очень огорчен всем этим. Он намерен жестоко наказать соучастников заговора, но так как у принца есть заступники...

– Бонапарт, конечно...

– Нет, мне кажется, что Бонапарт на нашей стороне, несмотря на то что он выдает себя за друга принца. Мануэль меня успокоил на этот счет. Если Бонапарт поссорится с нами, то мы пошлем двадцать или тридцать тысяч войска и выгоним его из Испании, как его выгнали из Рима. Это очень легко, и никто об этом не думает. Нас огорчает не это, а то, что происходит в самой Испании. Мануэль передавал мне, что все очень любят принца, считают его человеком способным, в то время как нас, бедного Карлоса и меня, ненавидят. С другой стороны, это кажется неправдоподобным: что такого сделали мы, что было бы достойно ненависти? Откровенно говоря, я решила долго не показываться в Мадриде; ненавижу я этот город.

– Я не разделяю этого страха, – сказала Амаранта, – и надеюсь, что после примерного наказания заговорщиков все смуты прекратятся.

– Мануэль работает, не жалея сил, по крайней мере, он признался мне в этом. Но надо действовать очень осторожно, чтобы избежать скандала. Поэтому-то Мануэль и приезжал ко мне сегодня вечером и умолял, чтобы я при твоём содействии удалила от процесса Долорес, потому что она обладает важными документами и может дать опасные для нас показания. Ты ведь знаешь, что она способна никого не пощадить. Как только Мануэль сказал мне это, то я не успокоилась, пока не увидела тебя. Ни он, ни я не можем говорить об этом с Кабальеро; поговори ты, со свойственным тебе тактом. Ах да, я и забыла. Кабальеро желает иметь орден Золотого Руна, ты, конечно, дашь ему его; этот человек, разумеется, не стоит такой высокой

⁸ Кардинал инфант дон Луис Бурбон, впоследствии архиепископ Толедский.

награды, но делать нечего, придется дать ему ее взамен его верности и преданности. Так ты сделаешь, о чем я тебя прошу?

– Да, сеньора; вы можете быть совершенно уверены.

– В таком случае я уйду спокойно. И на этот раз, как всегда, доверяю тебе, – сказала сеньора, вставая.

– Долорес не будет замешана в процессе, но она не избежит наказания по заслугам.

– Так прощай, дорогая Амаранта, – прибавила сеньора, целуя мою госпожу. – Благодаря тебе в эту ночь я буду спать спокойно. При всем моем горе так приятно сознавать, что имеешь такого преданного друга, который готов облегчить страдания.

– До свиданья, сеньора.

– Уж очень поздно... Господи, как поздно!..

Оне обе направились к двери, за которой незнакомую мне сеньору ждали две другие дамы. Она еще раз поцеловала мою госпожу и ушла. Оставшись одна, Амаранта вошла в ту комнату, за драпировкой которой стоял я. Моей первой мыслью было бежать, но затем я решил, что лучше этого не делать. Когда она вошла и увидела меня, ее удивлению не было границ.

– Как, Габриэль, ты здесь! – воскликнула она.

– Да, сеньора, – спокойно ответил я. – Я приступил к исполнению возложенных вами на меня обязанностей...

– Как! – сказала она сердитым тоном. – И ты осмелился?.. Ты слышал мой разговор с королевой?..

– Да, сеньора, – ответил я с прежней невозмутимостью, – вы были правы, я обладаю тончайшим слухом. Не вы ли приказывали мне внимательно подслушивать?

– Да! – сердилась она все больше и больше. – Но не здесь... Понимаешь ты это? Вижу, что ты достаточно хитер, но такое ревностное исполнение твоих обязанностей может обойтись тебе довольно дорого.

– Сеньора, я только хотел начать как можно скорее мою службу вам, – самым невинным тоном сказал я.

– Хорошо, – произнесла она уже спокойнее. – Можешь идти. Но предупреждаю тебя, что если я умею щедро награждать за верную службу мне, то умею и наказывать изменников. Больше я тебе ничего не скажу. Если ты будешь осторожен, то не забудешь меня всю жизнь. Ступай.

XVIII

Когда я проснулся на другой день, то первой моей мыслью было бежать из Эскуриала, и как можно скорее. Чтобы хорошенько все обдумать, я вышел в коридор и стал ходить взад и вперед.

Я вспомнил слова Амаранты, взвесил их и остался очень доволен собою. Я мысленно рассуждал:

– Да, я человек честный, чувствующий отвращение ко всякому недостойному поступку, одна мысль о котором приводит меня в бешенство. Несомненно, я сделаюсь выдающейся личностью, потому что меня удовлетворяют только те поступки, которые согласны с голосом моей совести. Пусть мне аплодируют сотни глупцов, но если я собой недоволен, то их одобрение для меня ровно ничего не значит. Какое счастье, ложась вечером в кровать, сказать себе: «Сегодня ты не сделал дурного ни против Бога, ни против людей».

И когда я так думал, мысль о моей Инезилье ни на минуту не покидала меня. В народе есть поверье, что прилетевшая белая бабочка приносит с собой непременно радостные

вести, так и образ Инезильи, вызванный моим воображением, приносил мне успокоение и твердость духа.

Так размышлял я, когда увидел, что навстречу мне идет в полной форме Хуан де Маньяра. Он знаком подозвал меня к себе. Он уже не в первый раз обращался ко мне с просьбой о какой-нибудь мелкой услуге.

– Габриэль, – сказал он мне доверительным тоном и вынимая из кошелька золотую монету, – вот это для тебя, если ты исполнишь то, о чем я тебя попрошу.

– Сеньор, – ответил я, – если честь моя от этого не пострадает, то я готов...

– А, у тебя еще и честь есть? – насмешливо спросил он.

– Есть, вне всякого сомнения, сеньор офицер, – рассердился я, – и я желал бы доказать вам это.

– Тебе именно представляется случай доказать это, потому что – что же может быть доблестнее, как оказать услугу кабальеро и сеньоре?

– Скажите же, чем я могу служить вам, – сказал я, несколько смущенный ярким блеском золотой монеты.

– А вот чем, – ответил молодой человек, вынимая из кармана письмо, – передай эту записку сеньоре Долорес.

– Я не вижу в этом ничего предосудительного, – произнес я, сообразив, что для меня, слуги, нет ничего бесчестного передать любовное письмо. – Позвольте мне записку.

– Но имей в виду, – прибавил он, отдавая мне письмо, – что если ты дурно исполнишь мое поручение или если эта записка попадет в чужие руки, то ты будешь помнить обо мне всю жизнь, если только ты останешься в живых после моей потасовки.

Сказав это, гвардеец сильно сжал мне руку, как бы уже приступая к обещанной экзекуции. Я обещал в точности исполнить его приказание, и мы вышли на большой двор. Здесь я был удивлен собравшейся массой народа, среди которого большинство было духовенство. Я заметил, что мой спутник побледнел, увидя эту толпу, и остановился у дверей, ведущих в помещение придворных гвардейцев. Мне лично пугаться было нечего, и я, смело пройдя через двор, поднялся по лестнице и направился к комнате сеньоры Долорес.

Я застал ее среди залы декламирующей:

И все-таки ты страшен мне, Отелло!

Ты гибелен, когда твои глаза

Так бегают. Мне нечего бояться:

Я за собой совсем вины не знаю,

И все ж боюсь – я чувствую – боюсь.

Она разучивала свою роль. Когда я вошел, она перестала декламировать; я передал ей письмо из рук в руки и подумал: «Кто мог бы сказать, что с таким ангельским лицом ты способна на самые коварные, возмутительные поступки?»

Во время чтения ее красивое лицо покрылось легким румянцем, и улыбка озарила ее пунцовые губы. Окончив, она несколько смутила меня вопросом:

– Разве ты не служишь у Амаранты?

– Нет, сеньора, – ответил я. – Со вчерашнего вечера я уже не служу у нее и сегодня же возвращаюсь в Мадрид.

– Ах, в таком случае, прекрасно, – успокоившись, произнесла Долорес.

А я в это время не переставал думать о том, как рада была бы Амаранта, если б я имел низость передать ей это письмо. Как скоро представился мне случай выказать себя перед самим собою с хорошей стороны! Долорес, желая унижить Амаранту, сказала:

– Амаранта слишком много требует от своих слуг и слишком жестока с ними.

– О нет, сеньора! – воскликнул я, снова выказывая себя с рыцарской стороны по отношению к той, которая была добра ко мне. – Сеньора графиня обращалась со мной очень хорошо, но я просто не хочу больше служить во дворце.

– Так что, ты отошел от Амаранты?

– Да, окончательно. В полдень я отправлюсь в Мадрид.

– А ты не хотел бы служить у меня?

– Я решил заняться моим образованием.

– Так что ты теперь свободен, ни от кого не зависишь и не вернешься больше к твоей прежней госпоже?

– Я совсем отошел от графини и никогда не вернусь к ней.

Второе было правдой, а первое нет.

Я сделал низкий поклон, прощаясь с герцогиней, но она остановила меня, сказав:

– Подожди, мне надо ответить на письмо, а так как ты теперь свободен и ни от кого не зависишь, то передашь ответ.

Эти слова дали мне надежду увеличить мои капиталы новой золотой монетой, и я стал рассматривать узоры на потолке и картины. Она написала ответ и вручила мне его.

Каково же было мое удивление, когда я узнал, выйдя во двор, что сеньора де Маньяру только что арестовали и увели куда-то два жандармских солдата, незадолго до того служивших ему. Я задрожал, потому что боялся, что и со мной будет то же самое. Власти, желая выслужиться при дворе, старались арестовывать как можно большее количество лиц.

Свойственное мне любопытство чуть не погубило меня. Желая пронюхать, что такое творится, я протерся между жандармами, но тут один сеньор с длинными и тощими бакенбардами, всмотревшись пристально в мое лицо, сказал самым неприятным голосом, какой я только слышал в моей жизни:

– Это тот самый слуга, которому арестованный вручил письмо незадолго до ареста.

Холодный пот пробежал по моему телу, когда я услышал эти слова. Я было бросился бежать со всех ног, но не успел я сделать и двух шагов, как железная рука опустилась мне на плечо. Никогда не забуду я этого отвратительного ощущения, этих бакенбард и круглых совиных глаз.

– Не торопитесь так, кабальерито, – сказал он мне. – Вы здесь нужнее, чем где-либо.

– Чем могу я быть вам полезен? – спросил я смело, сразу поняв, что не следует выказывать страха.

– А это мы увидим, – ответил он таким тоном, что я только поручил себя Господу Богу.

В то время, как он в полном смысле слова за шиворот вел меня в отдельную комнату, я напрягал все свои умственные силы, чтобы придумать, как мне вывернуться из этого пренебрежительного положения. С быстротой молнии в моей голове пронеслись эти мысли: «Габриэль (я всегда мысленно обращаюсь к себе по имени), это – торжественная минута. Физической силой ты тут ничего не поделаешь. Если будешь пытаться бежать, то все испортишь. Помни, в твоих руках честь одной сеньоры, которая Бог знает что написала в этом письме. Храбрись, Габриэль; не падай духом».

К счастью, Господь просветил мои мысли в ту минуту, когда этот ужасный сеньор сел на скамью и велел мне отвечать на его вопросы. Тут я припомнил, что раз видел этого человека униженно разговаривающим с Амарантой, и это-то и помогло мне.

– Так ты занимаешься передачей писем, негодяй, – сказал он, приготавливаясь записывать мои показания. – Посмотрим, кому ты носил эти письма и не был ли ты посредником между арестованными и заговорщиками.

– Сеньор, – ответил, я, набравшись храбрости, – вы меня не узнали и, вероятно, смешиваете с теми, которые передают письма арестованным в Норисьядо⁹.

– Как! – радостно воскликнул он. – Ты уверен в том, что говоришь?

– Да, сеньор, – ответил я, становясь все храбрее. – Если б вы сию минуту вышли на маленький двор, куда выходят окна больницы, то вы увидели бы, как из третьего этажа на ветках спускают письма.

– Что ты говоришь!

– То, что вы слышите, сеньор; и если вы желаете, то можете в этом немедленно убедиться, потому что теперь как раз назначенный час для переписки. Вы должны быть благодарны мне за это известие, потому что благодаря этому признанию вы можете оказать большую услугу нашему дорогому королю.

– Но ты получил письмо от гвардейского офицера, и если прежде всего ты не отдашь его мне, то я поступлю с тобой по закону.

– Но разве милостивый сеньор не знает, что я паж графини Амаранты, к которой поступил недавно? Моя госпожа ценит меня, право, даже больше, чем я того стою. Тысячу раз я слышал из ее уст, что она не пощадит того, кто причинит мне хоть малейший вред.

Он пристально взгляделся в мое лицо и действительно припомнил, что видел меня вместе с графиней.

– Ведь сеньору должно быть небезызвестно, – продолжал я, – что графиня покровительствует мне и находит меня таким способным, что обещает вывести меня на хорошую дорогу. Я уже начал учиться у патера Антолинеса и затем поступлю в пажеский корпус, потому что теперь открылось, что я хоть и беден, но сын благородных родителей.

Допрашивавший меня сеньор задумался над моими словами, высказанными самым непринужденным тоном, а я продолжал:

– Я шел к моей госпоже; она меня ждет и будет очень сердита, что меня задержали. Сеньора графиня нарочно посылает меня ходить по коридорам и дворам дворца, чтобы подслушивать, что говорят приверженцы арестованных, и затем записывает все в большую книгу. Таким образом она открывает большие тайны, которых без моей помощи она никогда не узнала бы. Например, о письмах, спускаемых из окон на ветках, никто еще не знает, кроме меня, и вы должны быть благодарны, сеньор, что я сказал вам о том первом.

– Это правда, – сказал он, – что графиня покровительствует тебе, потому что, как я помню, она о тебе упоминала, но я не могу допустить, чтобы она переписывалась с офицером.

– Меня самого удивило это, – продолжал я, – потому что моя госпожа не раз говорила, что сеньор де Маньяра первый достоин виселицы, но, видите ли, сеньор, в этом письме, которое я передал графине, он, предчувствуя, что его скоро арестуют, писал ей, умоляя заступиться за него.

– Ах, сеньор де Маньяра страшный хитрец! – воскликнул представитель обвинительной власти. – Он хотел ускользнуть из наших рук и искать покровительства всемогущей при дворе сеньоры!

– Но он не ускользнул от ваших рук, милостивый сеньор, потому что моя госпожа с презрением разорвала письмо и послала меня передать ему на словах, что она ничего не может для него сделать.

– И ты за этим и шел?

– Именно. Я знал, что его просьба останется без последствий, и ужасно радовался этому. Ведь эти негодяи хотели свергнуть с престола нашего короля и покушались на жизнь королевы, так пусть и погибнуть все на одной виселице.

⁹ Отделение дворцовой тюрьмы.

– Прекрасно, – сказал он, все еще не вполне доверяя мне. – Мы вместе отправимся к твоей госпоже, чтобы она подтвердила все, сказанное тобою.

– Хорошо, сеньор; только теперь графиня находится в апартаментах князя де ла Паз, которого она просит определить меня в пажеский корпус, и если сеньор отправится сейчас, то он пропустит время переписки арестованных. Не лучше ли будет, если сеньор придет несколько позднее, а я буду ждать его в комнате моей госпожи. Тем временем я предупрежу ее, и она встретит вас очень любезно, так как она вас очень ценит и уважает.

– Да? Разве она когда-нибудь говорила обо мне? – с любопытством спросил он.

– Когда-нибудь! Да тысячу раз, сеньор! Третьего дня вечером она больше двух часов говорила о вас с герцогом Годоем и маркизом Кабальеро.

– Серьезно? – спросил он, и широкая улыбка открыла его желтые зубы. – Что же она говорила?

– Что именно вам все обязаны самыми важными открытиями в этом заговоре и многое другое, чего я не решусь сказать вам, сеньор...

– Говори, говори... Ты неглупый мальчик!

– Она рассыпалась в похвалах вашему таланту и уму, сеньор, и затем прибавила, что не успокоится, пока вас не сделают прокурором окружного суда.

– Она сказала это? О, я вижу, ты умный и скромный мальчик. Скажи же сеньоре графине, что я через несколько минут приду сообщить ей важные новости. Она увидит, как я ее ценю и уважаю. А, сказать по правде, я ведь думал, что ты несешь письмо от офицера к герцогине Долорес.

– Вот еще! Я никогда не хожу к этой сеньоре, потому что она в ссоре с моей госпожой.

– А так как нынче арестуют и герцогиню, – продолжал он, – и ее мужа, потому что они оба замешаны...

– Как, и сеньору Долорес арестуют! – не без удивления воскликнул я.

– Да, я уже отдал приказание. Итак, юноша, ступай к твоей госпоже и предупреди ее, что я скоро буду.

Мне не нужно было повторять этого два раза; я вышел из комнаты вне себя от радости. Моим первым намерением было бежать к Долорес, не только для того, чтобы вернуть ей ее письмо, но и для того, чтобы предупредить ее об опасности, грозящей ее свободе, но я тут же узнал, что арест уже совершен. Необходимо было бежать из дворца, чтобы еще раз не попасть в руки этого ужасного сеньора, который после разговора с моей госпожой узнает, что я все наврал. Я пробрался в мою комнату, забрал свое платье и, ни с кем не простясь, вышел из дворца с твердым намерением не останавливаться до самого Мадрида.

По дороге я зашел в деревню, купил себе провизии и пошел вперед, поминутно оглядываясь, потому что мне все казалось, что за мной гонятся. Только тогда, когда из моих глаз окончательно скрылись купола монастыря Эскуриала, я решился свернуть с дороги и подкрепить мои ослабевшие силы хлебом и виноградом. И долго еще я испытывал такое ощущение, как будто на моем плече лежит железная рука представителя власти.

Во время отдыха я вспоминал все, что напутал во время допроса, и, право, совесть не упрекала меня. Я радовался моей находчивости. Говорят, что в критическую минуту жизни даже глупцы делают умными людьми.

Вскоре я встретил пустой обоз, возвращавшийся в город; я уговорился, чтоб извозчики за маленькую плату подвезли меня. Таким образом я к вечеру был в Мадриде.

XIX

Так как было уже поздно, то я не решился идти к Инезилье и отправился в дом моей прежней госпожи Пепы Гонзалес. Она очень удивилась, увидя меня, и осыпала меня вопро-

сами, не случилось ли чего с сеньорой Амарантой. Она также очень заинтересовалась знаменитым заговором, волновавшим весь Мадрид.

Хоть я и очень устал и мне страшно хотелось спать, но я не удержался и рассказал ей о письме и об аресте герцогини. Донья Пепита была очень обрадована этим известием и просила меня показать ей письмо, но я отказался наотрез, уверяя, что не успокоюсь, пока не передам его в руки той, которая мне его вручила. Она согласилась со мной и больше не настаивала. Затем я сказал ей, что оставил Амаранту потому, что хочу заняться моим образованием, и пошел спать, радуясь в душе, что завтра я увижу Инезилью.

Надо признаться, что я спал как убитый, но проснулся на другое утро с большим горем. Когда я стал одеваться, то вспомнил о письме Долорес, обшарил все карманы, но письмо исчезло. Я перетряс все мои платья, но ничего не нашел. В сильном беспокойстве, не попало ли это письмо в чьи-нибудь руки, я рассказал моей госпоже о случившемся и спросил, не подымала ли она его с пола. Тогда донья Пепита громко рассмеялась и с необыкновенной наивностью сказала мне:

– Я не подымала его, Габриэлильо, но вчера вечером, когда ты заснул, я вошла на цыпочках в твою комнату и вынула письмо из кармана твоей жакетки. Теперь оно у меня, я его прочла и ни за что на свете не отдам его.

Это меня возмутило. Я стал просить ее вернуть мне письмо, так как я должен его вручить донье Долорес, и никто не имеет права его читать, но она ответила мне, что я вовсе не должен возвращать его герцогине, и что она не вернет мне его, если бы ей даже дали столько золотых, сколько букв в письме.

– И к тому же в нем нет ничего особенного, – прибавила она. – Вот его содержание... Она прочла мне следующее:

«Мой возлюбленный Хуан.

Я прощаю тебе нанесенное мне оскорбление, но если ты хочешь, чтоб я искренне поверила в твоё раскаяние, то приходи поужинать со мной сегодня вечером, и я рассею в прах твою необоснованную ревность. Верь мне, что я никогда не любила и не могу любить Исидоро, этого дикаря, посредственного актеришку, с которым я и разговаривала-то всего один раз, и то для того, чтоб позабавиться над его глупой страстью. Приходи же, если ты не хочешь рассердить твою Долорес.

P.S. Не бойся, что тебя арестуют. Первого арестуют – короля».

Прочтя мне письмо, Пепита бережно сложила его и спрятала на груди, еще раз повторив, что ни за что на свете не отдаст мне его. Все мои мольбы были напрасны, и я вышел из дому очень расстроенный этим происшествием, но в надежде, что моя Инезилья успокоит меня. Когда я подошел к ее дому и взглянул на балконы, я подумал: «Как она далека от мысли, что я иду по тротуару! Она, верно, сидит у окна, и ей стоит только высунуться немножко, чтоб увидеть меня, но она не увидит, пока я не войду в комнату».

Наконец, я пришел, и как только отворил дверь, тотчас же понял, что произошло что-то серьезное, потому что Инезилья не выбежала ко мне навстречу на мой громкий зов. Меня встретил падре Челестино с расстроенным лицом.

– Дитя мое, ты приходишь к нам не в добрый час, – сказал он мне. – У нас большое несчастье. Моя сестра, бедная Хуана, умирает.

– А Инезилья?..

– Инезилья здорова; но ты подумай только, что станется с нею через несколько дней! Она ни на минуту не отходит от матери, и если так еще продлится, то я боюсь, что и моя бедная племянница последует за Хуаной.

– Сколько раз мы просили донью Хуану не работать так много!

– Что же будешь делать, дитя мое! – сказал он. – Она содержала весь дом, потому что, ты видишь, я до сих пор не получил ни капелланства, ни прихода, ни школы, хотя я вполне уверен, что получу на будущей неделе. Моя латинская поэма окончена, но ни один издатель не берется ее напечатать. Уж не знаю, право, что с нами будет, если умрет сестра!

При этих словах лицо старика вытянулось в гримасу; я понял, что, кроме горя, его мучает еще и голод. Мне стало его очень жаль. В то время у меня были деньги, и золотая монета Маньяры лежала в кармане. Я вынул ее и, подавая патеру, сказал:

– Падре Челестино, ведь вы на будущей неделе получите место, позвольте же мне предложить вам в долг.

– Мне не нужно, не нужно, – сказал он со свойственной ему деликатностью, – береги для себя твои сбережения, но если тебе хочется есть, то купи что-нибудь, и мы закусим с тобою.

Я в ту же минуту попросил соседку купить мяса и разной провизии, а сам отправился искать Инезилью. Я нашел ее в соседней комнате у постели крепко спящей матери.

– Инезилья, Инезилья, дорогая моя! – произнес я и, бросившись к ней, стал ее целовать.

Но вместо ответа Инезилья только указала мне на больную, как бы умоляя не тревожить ее.

– Твоя мама выздоровеет, – ответил я ей шепотом. – Ах, Инезилья, как мне хотелось тебя видеть! Я пришел тебе сказать, что я глупец, а ты умнее самого Соломона.

Инезилья взглянула на меня с такой спокойной улыбкой, как будто она прекрасно знала, что я приду к ней с таким признанием. Я заметил, что она очень побледнела от бессонных ночей и работы, но насколько красивее Амаранты казалась она мне! Все переменялось, и я знал теперь, на чьей стороне перевес.

– Видишь, Инезилья, – говорил я, целуя ее руки, – все твои предсказания сбылись. Я раскаялся в моих глупых мечтах и разочаровался. Правду говорят, что молодежь безумна, но не все же так умны, как ты, чтобы заранее предвидеть.

– Так что мы не увидим тебя ни принцем, ни вице-королем? – пошутила она.

– Нет, милая, я не желаю возвращаться во дворец. Если б ты знала, как он вблизи многое теряет! Чтобы добиться чего-нибудь во дворце, надо быть человеком низким, льстивым, а я на это не способен. О, насколько прав твой дядюшка Челестино, когда говорит, что опытность это огонь, который, освещая, обжигает! Я уже достаточно обжегся. Я тебе расскажу.

– И ты больше не вернешься туда?

– Нет, я останусь здесь, потому что у меня есть проект...

– Новый проект?

– Да, но он тебе понравится. Я поступлю в ученье. Что тебе больше нравится – ювелирное мастерство, столярное или какое-нибудь иное? Я выберу то, которое ты мне укажешь, только ни за что на свете не буду слугой.

– Это недурно придумано.

– Да, но за этим проектом следует другой. Да-с, моя милая, я хочу на вас жениться!

Больная пошевелилась, и Инезилья, подойдя к ней, не могла мне ответить на мое неожиданное предложение.

– Мне семнадцать лет, – продолжал я шепотом, – а тебе пятнадцать, так что теперь нам еще рано вступать в брак. Я изучу какое-нибудь ремесло, потом буду зарабатывать большие деньги, и ты будешь копить их для нашей свадьбы. Ты увидишь, как это будет хорошо. Хочешь или нет?

– Габриэль, – ответила она совсем тихо, – мы очень бедны. Если я останусь сиротой, то буду еще беднее. Дяде, верно, никогда не дадут того, чего он ждет четырнадцать лет. Что же с нами будет? Тебе еще прежде надо учиться, а потом уж зарабатывать, поэтому лучше не думать о таких глупостях.

– Но, глупенькая, ведь через четыре года я буду зарабатывать столько, что нам всего и не прожить. А пока как-нибудь устроимся. Для чего-нибудь же Бог дал тебе эту умную головку. Теперь я понимаю, что без тебя я никуда не годен.

– А помнишь, как ты смеялся надо мной, когда я говорила, что ты идешь по скользкому пути?

– Да, помню и стыжусь. Когда я уехал отсюда, мне казалось, что я тебя вовсе не люблю: до такой степени эта сеньора затмила мой ум своей красотой. Но нет, я любил тебя и люблю больше жизни, но только иногда словно какая-то паутина застилает мне глаза, и я перестаю понимать тебя. Я думал только о тебе одной, когда решался бросить дворец.

Больная подозвала свою дочь, и наш разговор был прерван. Я вышел к патеру Челестино и внутренне порадовался, видя, с каким аппетитом он ест только что принесенные покупки.

– Я недавно завтракал, Габриэль, – сказал он мне, – но ем, чтобы доставить тебе удовольствие...

За закуской я стал ему рассказывать о происшествиях в Эскуриале, и поклонник Годоя сказал мне:

– Как хорошо, что вовремя открыли заговор. Это так прискорбно, что подкапываются под могущество наших дорогих королей и князя де ла Паз, моего друга и земляка.

– Но общие симпатии как здесь, так и в Эскуриале на стороне принца Фердинанда, а Годоя все обвиняют в том, что он был подстрекателем принца в этом деле, чтобы погубить его.

– Ах, они негодяи! – гневно воскликнул старик. – Что они понимают во всем этом! Они дождутся, что я все расскажу князю де ла Паз, когда отправлюсь благодарить его за приход, который, по словам секретаря, мне дадут на будущей неделе. Ах, если б ты знал каноника дона Хуана Эскоиквиса, как я его знаю! Здесь все его считают чуть ли не ангелом, а на деле это интриган, носящий сутану. Может быть, это из-за него мне и не дают так долго места. Видишь ли, тридцать лет тому назад мы в Сарагосе вместе учились, нам задано было сочинение на тему *Utrum helemosinam*, не помню, как дальше... Я написал гораздо лучше его, и вот он до сих пор не может мне этого простить. Когда-нибудь я расскажу тебе, Габриэль, какие подлости делал он, чтоб войти в доверие к своему ученику, принцу Фердинанду. О, я знаю, что этот заговор – дело его рук; он вел переговоры с французским посланником Богарне и обещал отдать Наполеону половину Испании, если он сделает королем нашего наследника.

– А, однако, все превозносят Хуана Эскоиквиса и говорят черт знает что о первом министре.

– Зависть, милый мой, зависть, и только. Все ждут от князя де ла Паз мест, назначений, пенсий, а так как он не может удовлетворить всех, то вот и ропщут. А разве кто-нибудь может отрицать заслуги Годоя перед страной? Он покровительствует науке, он учредил пажеский корпус и земледельческие школы, он запретил хоронить в храмах, он заботится о процветании промышленности, да всего и не перечтешь! Если теперь глупцы недовольны его нововведениями, то впоследствии, конечно, они их оценят. Когда-нибудь я тебе многое расскажу о нем, и ты согласишься со мною. Я знаю, что если б я высказывал вслух все это, то мадридцы были бы обо мне самого ужасного мнения, но, друг мой, *super omnia veritas*¹⁰.

– Поговорим о другом, падре, – сказал я. – Знаете ли, ведь я хлопотал, чтоб вам дали приход.

– Ты? Ну, что ты можешь? Годой желает услужить мне, и он сделает это без всяких рекомендаций. А сказать тебе откровенно, милый мой, ведь если умрет Хуана, то нам придется плохо, очень плохо.

¹⁰ Истина превыше всего (лат.).

– Но ведь у доньи Хуаны есть богатые родственники.

– Да, Мавро Реквехо и его сестра Реститута, богатые коммерсанты на улице де ла Саль. Но они оба страшно скупы. Они никогда ничего не сделали для своих родных; они не подарили бедной Инезилье ни разу ни одного платка из своего магазина.

– Какие негодяи!

– Я узнал этого Реквехо четырнадцать лет тому назад, когда в первый раз приехал в Мадрид. Хуана в то время уже овдовела, Инезилья была еще совсем крошка. Я отправился к двоюродному брату Хуаны с просьбой помочь сестре в трудных обстоятельствах жизни, а он мне ответил: «Я не могу ничего сделать для них, потому что Хуана отстранилась от всех родственников, что же касается Инезильи, то я почти уверен, что она не нашей крови. Мне говорили, что это подкинутый ребенок, которого Хуана воспитывает и выдает за свою дочь». Конечно, это только предлог, чтоб не давать ничего. Мне так и не удалось убедить этого варвара; с тех пор я его и не видел.

– Так что, на его помощь нельзя рассчитывать?

– Никоим образом.

Я призадумался над судьбой всех нас троих. О, как желал я в то время обладать всеми сокровищами Креза, чтобы сложить их у ног Инезильи! Уходя, я шептал:

– Ах, проклятые, проклятые деньги!..

XX

Когда я входил в квартиру Пепы Гонзалес, я услышал ее веселый голос, напевавший какую-то шансонетку. Она вышла ко мне навстречу вся сияющая и ликующая, как ребенок.

– Что случилось, сеньора? – спросил я.

– Я получила письмо от маркизы, – ответила она, – завтра она приезжает в Мадрид, чтобы приготовить все для спектакля. Она поручила мне режиссировать.

– Очень рад. А что пишет она о сеньоре Долорес?

– Что ее взяли под арест, но освободили через полчаса, и Маньяру тоже; они оба свободны. Скоро они приедут сюда, и мы будем играть «Отелло». Я буду режиссировать!

– Душевно рад за вас, сеньора.

– Но тут есть одна неприятность, Габриэль, – продолжала она. – Ты ведь знаешь, что никто из этих сеньоров не хочет играть роли Яго; все находят ее неблагодарной. Нашелся один актер, который брался исполнить ее за тысячу реалов, но, представь себе, он заболел воспалением легких, и я не знаю, что делать. Не можешь ли ты исполнить роль Яго?

– Я – играть на сцене! – в ужасе воскликнул я. – Я вовсе не желаю быть актером.

– Но ведь это только на одно представление, глупенький! Многие за счастье почли бы играть в доме маркизы. Я буду режиссировать!

И она вновь от радости запела какую-то игривую песенку.

– Так вот видишь, – продолжала актриса, обращаясь ко мне, – ты разучишь эту роль; правда, ты молод для нее, но я тебя загримирую, наклею тебе усы и бороду, словом, я буду тебе помогать. Не забудь также, что маркиза так огорчилась этой неудаче, что теперь уже предлагает две тысячи реалов за роль Яго. Актриса, играющая Эмилию, получит только тысячу. Так, что же, ты согласен или нет?

Было бы слишком глупо с моей стороны отказаться от таких денег теперь, когда они падали на меня, как манна с неба, и были так необходимы мне, чтобы помочь Инезилье. Конечно, я чувствовал отвращение к актерской деятельности, и, кроме того, мне неприятно было вновь встретиться с людьми, с которыми я желал бы не встречаться никогда в жизни. Признаюсь, что в то же время меня приятно волновала мысль играть среди этого круга при-

дворных и в доме, куда может проникнуть не всякий смертный, но главным образом, разумеется, я польстился на презренный металл.

«Само Провидение посылает мне это богатство, – подумал я. – Ведь две тысячи реалов – это не какие-нибудь десять дурро: это для меня целое состояние. Я был бы совсем дураком, если б отказался от этих денег».

Я сейчас же побежал рассказать Инезилье о моей неожиданной удаче и обещал отдать ей все мое сокровище. Здесь я узнал, что донье Хуане все хуже и хуже. Выйдя на улицу, я увидал, что в квартиру маркизы носят огромные декорации.

– Дня через три-четыре назначено представление, – сказал мне привратник.

Я деятельно принялся за изучение моей роли. Сам Исидоро Маиквес помогал мне и заставлял меня по несколько раз повторять труднейшие монологи. Тогда только я увидал воочию всю несдержанность и горячность характера знаменитого актера. Когда я не мог сразу затвердить какой-нибудь фразы, он страшно кричал на меня, называл меня дураком, идиотом, балбесом и другими еще более звучными прозвищами. Я понял, как отлично должны были актеры Королевского театра играть с Маиквесом, но понял также и то, что они никогда не смели играть лучше его, потому что это так же сердило его, как и дурная игра.

Через два дня я уже знал мою роль, и на генеральной репетиции, где участвовали все, кроме Долорес, исполнил ее недурно. Накануне спектакля донья Пепа сказала мне, что Долорес вернулась из Эскуриала.

– Так что, теперь все в сборе? – спросил я.

– Все, – ответила она в радостном возбуждении, – и я буду режиссировать!

Наконец, наступил давно ожидаемый день, и я с раннего утра бегал по городу за разными покупками для моей прежней госпожи. Ей понадобились и ленты, и помада, и духи, и перчатки, и шпильки, и многое множество самых разнообразных вещей. Я должен упомянуть, что донья Пепа в трагедии «Отелло» вовсе не играла, но она должна была в одном из антрактов петь изящные куплеты и затем в конце прочесть большое стихотворение. Бегаю по городу за покупками, я твердил мою роль, и если забывал какой-нибудь монолог, то останавливался у ворот первого попавшегося дома, вынимал из кармана тетрадку и начинал громко читать, к удивлению всех прохожих.

Как всецело ни был я погружен в исполнение данных мне поручений, я не мог не заметить, что на улицах было необыкновенное оживление. Народ собирался группами и о чем-то горячо толковал; кое-где читали вслух «Газету Мадрида». Войдя в галантерейную лавочку доньи Амброзии, я совершенно случайно застал там патера Паниагву и доня Анатолио, хозяйина магазина канцелярских принадлежностей.

– Я ожидал этого коварства, – говорил он. – Как в этом декрете видна рука выскочки!

– Да прочтите же нам его, – сказала донья Амброзия, – хотя я уверена, что сеньор Годой сыграл с нами новую штуку.

– Остается только предположить, – продолжал дон Анатолио, – что они вошли в тюрьму к принцу и, приставив к его груди пистолет, принудили его подписать бумагу. Да, сеньоры, потому что нельзя допустить, чтобы такой благородный, такой достойный молодой человек, как сын нашего короля, унился до того, что, как какой-нибудь школьник, стал просить прощенья и выдал своих соучастников.

– Да читайте же, дон Анатолио, читайте!

Тогда дон Анатолио, вытянув шею, стал читать тоном педагога знаменитый декрет 5 ноября, который говорит:

«Голос природы опускает руку мести, и когда неопытность просит милосердия, то в нем не может отказать сыну любящий отец...»

Так начинался декрет, в котором объявлялось о раскаянии принца-заговорщика и печатались его два письма к королю и королеве. В первом письме принц Фердинанд говорил так:

«Отец мой! Я изменил вашему величеству как королю и отцу, но я раскаиваюсь и покорно склоняюсь к стопам вашего величества. Я ничего не должен был предпринимать без ведома вашего величества, но я ослушался. Я выдал виновников заговора и умоляю ваше величество простить мне мою преднамеренную ложь во время допроса и допустить пасть к королевским стопам вашего величества раскаявшегося сына Фердинанда».

Второе письмо было следующего содержания:

«Мать моя! Я раскаиваюсь в преступлении, замышлявшемся мною против моих родителей и королей, и униженно молю ваше величество походатайствовать о прощении мне перед отцом моим и позволить пасть к его королевским стопам раскаявшемуся сыну Фердинанду».

По этим письмам принц Фердинанд рисовался в самом непривлекательном для него свете. Эти выражения «преднамеренная ложь» и «я выдал виновников заговора» звучали, как слова маленького шестилетнего мальчика, который просит прощения у папы и мамы за то, что он стащил карамельку. Недовольные умы были в то время так настроены, что во всем этом видели руку князя де ла Паз. Кажется, если б на море разразилась страшная буря или землетрясение поколебало Пиренейский полуостров, то и в этом обвинили бы Годоя. Теперь все думали, что первый министр насильственно заставил наследника сделать эти признания и что он даже автор этих писем. Если этот декрет был действительно делом двора, то цель не была достигнута, потому что народ очень жалел арестованного принца и негодовал на его притеснителей.

– Разве это не ясно? – сказал дон Анатолио, положив газету на прилавок.

– А мне очень интересно было бы подслушать в щелочку, что говорит об этом Наполеон, – сказала донья Амброзия.

– Этого мы можем и не подслушивать, – возразил дон Анатолио, – потому что всем ясно, что он хочет свергнуть старого короля и отдать корону нашему дорогому принцу Фердинанду. Вот увидите, этого уж недолго ждать.

– Какой скандал! – застенчиво воскликнул патер Паниагва. – И это говорится громко, так громко, что это может услышать какой-нибудь сторонник старого правления!

– Вот еще! – возразил дон Анатолио. – Тут нечего скрывать, падре Паниагва. Не пройдет и месяца, как не останется ни выскочки, ни королей-родителей, ни скандалов, ни бесчинств, ни всего того, о чем я стыжусь упоминать из уважения к нации.

– Ах, как вы хорошо говорите, сеньор дон Анатолио! – сказала лавочница. – Дай Бог, чтоб только поскорее Наполеон устроил все дела Испании.

Патер Паниагва поскорее ушел, чтобы не слушать таких ужасных вещей; я вышел за ним, забрав мои покупки, и коммерсанты остались вдвоем решать судьбу Испании.

Я не мог удержаться, чтоб не зайти на минутку к моему приятелю Пакорро Чинитасу, точившему ножи и ножницы.

– Здравствуйте, Чинитас! – сказал я. – Что за времена мы переживаем! Народ очень взволнован.

– Да, нынче в «Газете Мадрида» напечатан какой-то декрет. Я слышал, как читали в соседней лавочке; все кричат, что надо свергнуть выскочку во что бы то ни стало.

– И вы думаете, что это он все написал?

– Почему я знаю? – ответил он, сдвинув брови. – Я только говорю, что все они хороши! Говорят, что министр сам выдумал эти письма и заставил принца подписать. А зачем же он подписал? Что, он маленький ребенок, что ли? Ведь, слава Богу, ему двадцать три года. Человек в двадцать три года должен понимать, что можно подписать, а что нельзя.

Я не мог не согласиться с доводами Чинитаса.

– Вот вы не умеете ни читать, ни писать, – сказал я ему, – а мне кажется, что вы умнее самого Папы.

– Все эти чиновники, монахи, патеры и лавочники оттого и возбуждены так, что воображают, что Наполеон придет и отдаст принцу корону. Как бы не так!

– А вы что думаете?

– Я думаю, что мы будем глупее дураков, если доверимся Наполеону. Этот человек, покоривший чуть ли не всю Европу, конечно, точит зубы, как я мои ножницы, на красивейшую страну на свете – Испанию, тем более что наши принцы и короли ссорятся между собою, как деревенские парни. Наполеон думает себе: «Мне довольно и трех полков, чтобы завоевать такой народ». Он уже послал в Испанию двадцать тысяч войска. Вот вспомнишь мои слова, Габриэлильо! Ты увидишь, чего мы дождемся. А так как нам нечего ждать хорошего от наших королей, то мы должны быть ко всему готовы.

Как впоследствии оказалось, слова Чинитаса были вполне справедливы. Он один сумел предвидеть будущее.

XXI

Вечером в доме маркизы все было готово к предстоящему спектаклю. Отнеся костюмы Пепы Гонзалес в уборную, я спустился по черной лестнице к Инезилье. Она была очень грустна, потому что донья Хуана совсем ослабевала. Я старался, как умел, успокоить Инезилью и ее дядю, но не мог долго оставаться с ними и, огорченный, вернулся в квартиру маркизы.

Все комнаты были декорированы с необыкновенной роскошью и вкусом. Знаменитый декоратор того времени Франсиско Гойя, которому было поручено отделать залы и сцену, положил на это немало труда. Начиная с передней, все залы были обвиты гирляндами зелени, между которыми живописно были расположены лампы и люстры, придававшие всему какой-то фантастический свет. По стенам висели дорогие картины старинных мастеров. На огромном занавесе был изображен Аполлон с лирой или гитарой в руках и вокруг него девять муз.

Несколько комнат было превращено в уборные. Маиквес одевался в отдельной, моя госпожа тоже, а все остальные актеры театра, и я в их числе, в одной общей уборной, где и мужчины и женщины одевались в одно и то же время. Донья Долорес предназначена была спальня самой маркизы.

Я очень быстро превратился из веселого Габриэлильо в пасмурного Яго бессмертной трагедии. Меня облекли в какое-то странное платье одного из второстепенных актеров. Если б не наклеенная борода и усы, то меня можно было бы принять за оперного пажу.

Пока одевались остальные, я вышел на сцену и сквозь щель занавеса стал смотреть на толпу, наполнявшую зрительный зал. Прежде всего я увидел перед собой Маньяру; он сидел в первом ряду кресел около занавеса. Затем я заметил, что мужчины и женщины обернулись к главной входной двери, и многие сторонились, чтобы дать дорогу вновь прибывшей личности, возбуждавшей шепот удивления. Высокая, красивая женщина вошла в залу и кивала направо и налево, отвечая на поклоны своих знакомых. На ней было легкое белое платье с живыми розами на груди. Крупные бриллианты в черных волосах придавали еще больше блеска ее красоте. Нужно ли говорить, что это была Амаранта?

Когда я ее увидел, я замер от восторга. Я любовался ею, и все неприятные воспоминания сразу были позабыты. Ее красота была до такой степени очаровательна, почти волшебна, ее взгляд так повелителен, так благороден, что я невольно забыл ту темную страницу ее характера, которую мне недавно пришлось открыть. Я не сводил с нее глаз, я искал ее случайного взгляда, я ловил каждый поворот ее дивной головы, стараясь по движению ее

губ догадаться о том, что она говорит; мне хотелось проникнуть в ее мысли, чтоб узнать, что она думает. Скоро занавес поднимется, скоро все взоры будут устремлены на меня, и она будет судить о моей игре. Мне показалось, что это необыкновенное счастье – играть при такой блестящей аудитории.

Оркестр начал играть увертюру. Сердце забилося во мне с новой силой. Сейчас начнется спектакль; суфлер уже сидел в своей будке; Исидоро вышел из своей уборной, Долорес также. Они были почти спокойны; взглянув на них, я уже не чувствовал страха. Прошло еще несколько минут, и занавес взвился.

Трагедия Шекспира «Отелло, или Венецианской мавр» была переведена с английского довольно плохо; все действия были упрощены, сцена с платком совсем выпущена, и на ее место поставлена другая с письмом и диадемой, которые Родриго просит Яго передать Дездемоне, но тот передает своему другу Отелло с целью оклеветать его жену. Второй и третий акты были соединены в один, равно как третий и четвертый, так что трагедия вместо пяти имела только три акта.

Во время первого антракта я застал Исидоро и Долорес горячо разговаривающими в коридоре. Хотя они и говорили почти шепотом, но мне показалось, что актер в чем-то упрекал Долорес и что она стояла перед ним в смущении. Когда они разошлись, она, к моему великому огорчению, увидела меня, остановила и сказала:

– Ах, Габриэль! Прекрасный случай поговорить с тобой наедине. Ты, конечно, догадываешься – о чем. Я все время беспокоилась с той минуты, как арестовали...

– Ах, вы говорите о письме, сеньора, – произнес я и, чтобы придать себе храбрости, начал крутить мои фальшивые усы.

– Я надеюсь, что оно не попадет в чужие руки, – продолжала она. – Надеюсь, что ты сохранил его и принес сюда, чтобы вернуть мне.

– Нет, сеньора, я его не принес, но я его поищу... то есть...

– Как! – воскликнула она в сильном беспокойстве. – Ты потерял письмо?!

– Нет, сеньора... я хочу сказать... оно у меня там... только я, право... – бормотал я.

– Надеюсь на твою скромность и честность и жду письма, – произнесла она очень серьезно.

И, не говоря ни слова больше, она повернулась и ушла в свою уборную. Я чувствовал себя очень неловко и принужден был снова обратиться к Пепе Гонзалес с просьбой вернуть мне письмо, так как мое честное имя поставлено на карту. Слушая меня, она сделала удивленные глаза, потом засмеялась и ответила:

– Я и забыла о твоём письме. Право, не знаю, где оно.

Начался второй акт, в котором у меня был только один выход, что дало мне возможность привести в исполнение мой смелый поступок. Я помню, что когда Гонзалес читала мне письмо, похищенное ею у меня, она положила его в карман платья, того самого, в котором она была сегодня до начала спектакля. Теперь оно висело на стенке ее уборной рядом с другими платьями, шальями и мантильями. Необходимо обыскать это платье. Пепа теперь занята, она руководит спектаклем и не может войти в свою комнату раньше окончания акта. В моем распоряжении было достаточно времени, чтобы сделать обыск и взять силой то, что у меня отняли.

Я торопливо принялся за дело, но ничего не мог найти. Я уже потерял всякую надежду, когда вдруг до моего слуха долетел звук приближавшихся шагов. Боясь, чтобы моя госпожа не застала меня за таким предосудительным делом, я спрятался за вешалку с платьями. Почти в ту же минуту в комнату вошли Долорес и Исидоро, заперли за собой дверь и сели.

Я отлично видел их из моей засады. Маиквес в костюме Отелло был похож на античную статую. Темный грим его лица еще более увеличивал его большие глаза, блеск белых зубов и выразительность черт. На голове его был надет белый мавританский тюрбан с крас-

ными полосами, усеянный цветными фальшивыми камнями. Вся фигура его дышала благородством и достоинством.

Долорес была в белой серебристой тунике. В ее изящной прическе блестели бриллианты чистейшей воды. Она была идеально хороша. Мавр, сжав в своих темных руках белые ручки Дездемоны, сказал:

– Здесь мы можем поговорить спокойно.

– Да, Пепа сказала нам, что мы можем пройти в ее комнату, – ответила она, – но это свидание должно быть очень непродолжительно, потому что маркиза меня ждет. Ты ведь знаешь, что мой муж здесь.

– Все-таки нечего так торопиться. Почему ты не писала мне из Эскуриала?

– Я не могла писать, – нетерпеливо ответила она, – когда будет больше времени, я объясню тебе – почему...

– Нет, ты сейчас же должна ответить на мой вопрос.

– Не будь таким нехорошим. Ты ведь обещал мне не быть грубым, любопытным и ревнивым, – кокетливо сказала она.

– Это все равно что обещать тебе не любить тебя, а я тебя люблю, Долорес, люблю, к несчастью, слишком сильно.

– Так ты ревнуешь, Отелло? – спросила она и полушутя-полусерьезно продекламировала:

...Ты смилуешься также,
Я никогда тебя не оскорбляла;
Родриго я любила только тою
Любовию, какою Бог велит
Питать ко всем на свете.

– Полно шутить! Я ревную, да, я не стану скрывать этого! – воскликнул Маиквес.

– К кому?

– И ты меня спрашиваешь? Ты думаешь, я не вижу, что этот дурак Маньяра сидит в первом ряду и не сводит с тебя глаз!

– И на этом ты основываешь твою ревность? И больше ты не имеешь никаких подозрений?

– А если бы я имел иные, то разве ты могла бы сидеть передо мною так спокойно?

– Успокойся, сеньор Отелло. Знаешь ли, ты мне страшен!

– В Эскуриале этот молодой человек хвалился перед всеми, что ты его любишь, – сказал Исидоро, устремив на нее такой пристальный взгляд, как будто хотел проникнуть в самые тайники ее души.

– Если ты будешь так вести себя, то я уйду сию же минуту, – не без смущения произнесла она.

– Я получил несколько анонимных писем. В одном из них говорилось, что этот молодой человек написал тебе письмо в день своего ареста и что ты ответила ему. Во всяком случае, я знаю, что он за тобой ухаживает и бывает у тебя в Мадриде. Не желаешь ли ты дать мне на этот счет объяснения?

– Ах, у меня есть страшный враг, который, вероятно, и есть автор этих анонимов.

– Кто это?

– Я уже тебе как-то об этом говорила. Это Амаранта; за ее ненавистью скрывается к тому же гнев другой, более высокой сеньоры. Всем придворным дамам слишком надоело быть свидетельницами постоянных скандалов и неприятностей при дворе, потому мы и отделились от трона. Я тебе не говорила о причинах этой ссоры, но теперь скажу, и не сер-

дись, если ты услышишь имя этого Маньяры, которого ты так боишься. Маньяра, кажется, сыграл роль библейского Иосифа, отказавшись от милостей одной сеньоры, которая теперь мстит ему за это. В то же время этот молодой человек стал ухаживать за мною, и оскорбленная женщина перенесла свою ненависть на меня, хотя я и не подозревала, что Маньяра меня любит. Я никогда не обращала внимания на этого человека. Против меня начали страшно интриговать, уволили с мест рекомендованных мною лиц и всеми силами старались погубить меня. Видя такое незаслуженное преследование, я перешла на сторону принца Астурийского, предложила ему мою помощь и горжусь этим. Тебе я могу признаться в этом без всякого страха: долгое время я была посредницей для переписки между каноником Эскоиквисом и французским посланником; в моем доме они и собирались для тайных переговоров. Я одна знала все тайны, которые недавно выдал принц, я знала о его проекте жениться на одной из принцесс королевской крови, я знала, что герцог дель Инфантадо ждет только письменной резолюции Фердинанда, чтобы свергнуть с престола короля... Словом, я знала все.

– То, что ты мне говоришь, кажется мне невероятным, – сказал Исидоро. – Если это справедливо, то почему же тебя открыто не преследуют, почему тебя освободили через полчаса после ареста?

– Я знала, что меня не тронут. Я уже, кажется, рассказывала тебе, что когда короли примирились с Годоем и вторично призвали его ко двору, на меня были возложены все переговоры. Я знаю такие тайны, обнародование которых страшно пугает некоторых личностей. В моих руках есть очень важные документы и письма, компрометирующие кое-кого. Это было лет пятнадцать тому назад. Амаранта уже год как овдовела, когда я совершенно неожиданно узнала тайну ее молодости, которую рассказала мне одна незнакомая женщина, жившая тогда в окрестностях Мансанареса. Я тебе рассказывала об этом, да это ни для кого и не тайна. До выхода замуж за графа Амаранта была безумно влюблена в одного молодого человека и имела от него дочь; я даже не знаю, жива ли она...

– Ты мне никогда этого не рассказывала.

– Родители Амаранты постарались скрыть ее позор; ее возлюбленный принадлежал к одной из знатных фамилий Кастилии. Он служил в Мадриде и бежал во Францию, где и был убит во время революции.

– Ты мне рассказала интересную новеллу, – заметил Исидоро, – но ты слишком отдалась от нашего первоначального разговора. В конце концов, ты призналась только в том, что Маньяра ухаживал за тобою.

– Да, но я никогда не отвечала ему на его увлечение; он не существовал для меня. Твоя ревность сделает так, что теперь я обращу на него внимание.

– Ты меня не проведешь, нет; я имею доказательства, что ты любишь этого человека. О, если мои подозрения оправдаются!.. Я ведь знаю, что ты превосходная актриса!

– Ты совершенно неосновательно не доверяешь мне.

– Нет, лучше не пытайся оправдываться и запутать меня. Ты уверяешь, что не обращаешь на него никакого внимания, а между тем несколько минут тому назад я видел собственными глазами, что во время сцены в сенате ты глядела на него и даже сделала ему какой-то знак.

– Я? Да ты с ума сошел! Ах, ты ничего не знаешь! Мой муж приехал сегодня, чтобы присутствовать на этом спектакле, и коварная Амаранта сидит рядом с ним и что-то нашептывает ему. Если ты заметил, что я гляжу на публику, то я делаю это потому, что меня очень беспокоит разговор Амаранты с моим мужем. Боюсь, что она и ему послала также какой-нибудь аноним. Его холодность и сдержанность говорят мне, что он также что-то подозревает.

– Вот видишь!.. И не без основания.

– Да, потому что он ревнует к тебе.

– Нет... нет! – воскликнул Исидоро. – Не искажай фактов! Ты любишь Маньяру; при всей твоей изворотливости ты не выбьешь этой мысли из моей головы. А этот дурак радуется, когда тебя осыпают аплодисментами, потому что его самолюбию льстит, что его любит такая превосходная артистка. Нет, я не хочу, чтоб ты играла больше! Когда я вижу, как из залы все смотрят на тебя влюбленными, восхищенными глазами, то я готов броситься в толпу и передушить их всех!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.